

201.79 092
Л: 379
К

П. Бусов

**Т.Г. ШЕВЧЕНКО
В КАЗАХСТАНЕ**

М. Бусов

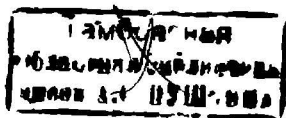
**Т. Г. ШЕВЧЕНКО
В КАЗАХСТАНЕ**

Т. БЕЙСОВ

Т. Г. ШЕВЧЕНКО
В КАЗАХСТАНЕ

Очерк

КАЗАХСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Алма-Ата—1952

ГОС. БИБЛИОТ. С...
МАССР ИМ. А. С. П.
Инв. № 185969

ШЕВЧЕНКО В КАЗАХСТАНЕ

Великий украинский поэт Тарас Григорьевич Шевченко в продолжение целых десяти лет бывал политической ссылкой в Казахстане.

Шевченко прожил сравнительно недолго, но при этом ужасным является то, что из 47 прожитых лет первые 24 года он был крепостным, позднее более 10 лет провел в ссылке, и только неполных 13 лет он был относительно свободным. Несмотря на все это, благодаря своему исключительному дарованию, страстному стремлению к борьбе за свободу народа, он стал гениальным поэтом, художником-реалистом.

Шевченко, подобно Пушкину в русской литературе, является основоположником новой украинской литературы и создателем украинского литературного языка. Велико его значение и в истории русской реалистической живописи. Одним из первых он писал на русском языке о казахском народе. Шевченко был первым художником, отразившим в своих многочисленных рисунках быт и социальную действительность казахского народа.

Тарас Григорьевич Шевченко родился 9 марта (н. ст.) 1814 года в селе Моринцах, Звенигородского

уезда, Киевской губернии. Родители Шевченко были крепостными помещика Энгельгардта. Рано лишившись матери, а потом отца, Шевченко вместе со своими братьями и сестрами оставался в крепостной зависимости; он был пастушонком, урывками занимался у местных дьячков, находясь у них в услужении, потом учился у «маляра» (художника), затем стал дворовым и «казачком» у своего помещика-самодура, обрусевшего немца Энгельгардта, который хотел сделать из Шевченко дворового живописца. В 1832 году Энгельгардт в Петербурге отдает Тараса Шевченко в обучение к мастеру живописных дел Ширяеву.

Ширяев был ловкий подрядчик, предприниматель, эксплуатировавший своих «учеников», заставляя последних выполнять различные живописные работы в частных домах и расписывать потолки домов и заборы.

Но несмотря на все это, учеба в артели Ширяева принесла Шевченко большую пользу: он познакомился с произведениями искусства и урывками, в свободное от коммерческих дел хозяина время, стал самостоятельно рисовать. За одним из таких занятий в Летнем саду он случайно познакомился с художником Сошенко. Сошенко обратил внимание на незаурядные способности молодого художника и познакомил его с крупнейшими представителями русской культуры: художниками Григоровичем, А. Венециановым, К. Брюлловым и поэтом В. Жуковским. Эти друзья Шевченко стали хлопотать об освобождении его из положения крепостного, чтобы он имел право посещать Академию художеств. Помещик Энгельгардт старому профессору Академии Венецианову, явившемуся к нему с просьбой об освобождении Шевченко от крепостной зависимости, грубо ответил: «Причем тут филантропия? Деньги, и больше ничего», — и назначил 2500 рублей выкуп за Шевченко. Друзья поэта решили добыть деньги и выкупить его.

Художник Брюллов написал известный портрет В. А. Жуковского, и этот портрет разыграли в лотерею; за вырученные 2500 рублей была куплена свобода Тараса Шевченко. 22 апреля 1838 года помещик

Энгельгардт подписал Шевченко отпускную. Петербургский период своей жизни Шевченко описал в повести «Художник».

Таким образом, с 22 апреля 1838 года Шевченко стал свободным человеком; он с увлечением отдается живописи и литературной деятельности. В 1840 году выходит первое издание знаменитого «Кобзаря», а потом стали появляться и другие книги. Кроме того, он создавал произведения живописи, которые пользовались большой известностью.

В 1845 году Шевченко получил диплом об окончании Академии художеств со званием свободного художника и отправился на Украину. На Украине он совершал поездки, делал зарисовки памятников украинской старины, общался с крестьянами, записывал произведения устного народного творчества.

Все это обогатило творческие замыслы поэта и художника. В этот период Шевченко написал ряд поэмы и множество лирических стихотворений.

В 1846 году в Киеве Шевченко сблизился через историка Н. И. Костомарова с тайным обществом, «Кирилло-Мефодиевским братством», основанным в начале 1846 года в Киеве группой украинских молодых либеральных интеллигентов. Программа братства носила либерально-утопический характер. По свидетельству Костомарова, Шевченко отнесся к идеям «братчиков» «с большим возбуждением и крайней нетерпимостью». Однако за отсутствием других политических организаций Шевченко стал интересоваться деятельностью этого общества, тем более, что в уставе его имелось и требование об отмене крепостного права. Шевченко стал посещать собрания общества, где читал свои революционные стихи.

В марте 1847 года по доносу некоего студента Петрова общество было разгромлено царскими властями; участники его подверглись аресту. 5 апреля 1847 года в Киеве был арестован и Шевченко и на следующий день под охраной жандармов отправлен в Петербург. Следствие вело III отделение. 30 мая 1847 года Шевченко был вынесен без всякого суда

исключительно суровый приговор: «...художника Шевченко за сочинение возмутительных и в высшей степени дерзких стихотворений, как одаренного крепким телосложением, определить рядовым в Оренбургский отдельный корпус с правом выслуги, поручив начальству иметь строжайшее наблюдение, дабы от него ни под каким видом не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений». Вдобавок на приговоре стояла и резолюция самого Николая I: «Под строжайший надзор с запрещением писать и рисовать».

В этом насилии царя-деспота над Шевченко самым бесчеловечным было, пожалуй, то, что ему была запрещена творческая деятельность. Вспоминая об этом приговоре позднее, Шевченко писал в своем дневнике «Если бы я был изверг, кровопийца, то и тогда для меня удачнее казни нельзя было бы придумать, как сослав меня в Отдельный Оренбургский корпус солдатом. Вот где причина моих невыразимых страданий. И ко всему этому мне еще запрещено рисовать. Отнять благороднейшую часть моего бедного существования! Трибунал под председательством самого сатаны не мог бы произнести такого холодного, нечеловеческого приговора».¹

На следующий день (31 мая) после этого приговора прямо из каземата Петропавловской крепости Шевченко увезли в Оренбург. «Во мне была (как я после узнал) экстренная надобность в Оренбурге, — писал Шевченко позднее, — и поэтому-то фельдъегерь неудобозабываемого Тормоза не дремал. Он меня из Питера на восьмые сутки доставил в Оренбург, убивши только одну почтовую лошадь во всем пространстве».²

Таким образом, через семь суток Шевченко из Петербурга был доставлен на место ссылки, в Оренбург.

¹ Тарас Шевченко. Собр. соч. в пяти томах, под ред. М. Рильского и Н. Ушакова. Дневник, М., 1949, стр. 62
В дальнейшем цитаты приводятся по этому собранию сочинений

² Там же, стр. 161.

Шевченко, что видно из его писем, тотчас же по приезде в Оренбургский край обратил самое пристальное внимание на судьбу местного казахского населения.

Что из себя представлял Казахстан ко времени прибытия в него Т. Г. Шевченко?

40-е годы XIX века были переломным моментом в истории казахского народа, окончательно определившим дальнейшую историческую судьбу народа. Произошли изменения и в политической и в экономической жизни казахов. Ликвидация ханской власти, начавшаяся в 20-х годах XIX века, к этому времени была завершена в Казахстане повсеместно. Казахские степи опоясывались линией военных укреплений, для которых отводились пастбища и сенокосные угодья. Около 750 тысяч десятин плодородной земли между Уралом и Илеком перешло к пришедшему в эти места оседлому земледельческому населению. Общинная (принадлежащая роду, подроду) земля захватывалась в свою собственность казахскими султанами, феодалами, отпрысками ханских родов. В Букеевской орде одна треть всей лучшей земли отошла таким образом только к шести знатым семействам. Хан Джангир широко практиковал отдачу земель целого аула своим любимцам, баям—родовым старшинам; эту практику применял ханский суд как наказание за какие-нибудь проступки. Изъятие пастбищ и сенокосов привело к резкому сокращению поголовья скота у трудящихся, что в свою очередь принудило к оседлости значительную часть обедневших кочевников. Жатаки, оседавшие поблизости от русских прилинейных поселков, стали перенимать у новых соседей культуру земледелия. Значительным событием в экономике Казахстана этого периода является также усиление торговли с Россией. В торговые сделки включаются и казахские баи.

Однако торговля в Казахстане носила колониальный, грабительский характер. Высококачественное казахстанское сырье обменивалось на самые недоброкачественные товары, выработывавшиеся на россий-

ских фабриках специально для торговли с «иностранцами».

Трудящийся казахский народ, оказавшийся под двойным гнетом, нес многочисленные формы повинностей. Он подвергался одновременно эксплуатации и феодально-родовой и колониальной. Наиболее распространенными видами налогов были ушир, зякет, согым, различные сборы в пользу местной феодальной власти и кибиточный — в пользу царского правительства; кроме того, тяжелым бременем для рядового члена общины являлись разорительные тяжёлые дела, сознательно разжигаемые родовыми старшинами и баями (кун — возмещение «стоимости» убитого; барымта — ответный угон скота у противной стороны; амангерство — унаследование жены или невесты родственника и т. д.). Но, несмотря на это, присоединение к России спасло казахский народ от неминуемой опасности быть порабощенным каким-нибудь отсталым государством Востока, за которым стояли колониальные интересы Англии; благодаря этому присоединению, казахский народ приобрел не только к более прогрессивным формам хозяйства, но и к передовой русской культуре. Об этом факте Энгельс в своем письме к Марксу от 23 мая 1851 года писал: «...Русское господство... было цивилизирующим для Черного и Каспийского морей и для Центральной Азии».¹

Однако это присоединение отсталых народностей к более передовой России имело и другую, теневую сторону. «Взаимная зависимость народов и хозяйственное объединение территории, — пишет товарищ Сталин, — устанавливались в ходе развития капитализма не путем сотрудничества народов, как равноправных единиц, а в порядке подчинения и эксплуатации народов менее развитых народами более развитыми».² Таким образом, политика царизма по отношению

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 211.

² И. В. Сталин. Национальные моменты в партийном и государственном строительстве. Соч., т. V, стр. 181—182.

к народам окраин, вообще, и к казахскому народу, в частности, насила «открыто угнетательский» характер.

Постепенно росло недовольство в среде народов, которое к концу 20-х годов перешло в борьбу. Однако восстания 30—40 годов XIX века в Казахстане по своему политическому содержанию не были однотипными. Если восстание под руководством Исатая Тайманова по своим целям и характеру было крестьянско-демократическим, то восстание в Центральном Казахстане, руководимое султаном Кенесары Касымовым (внуком Аблай-хана), носило феодально-монархический характер.

В бумагах самого Шевченко мы не встречаем прямых упоминаний о борьбе и социальных отношениях казахов этого периода. Но косвенные данные говорят, что Шевченко не мог не знать о событиях, происходивших в степи.

Ко времени приезда Шевченко, как известно, оренбургские власти имели уже в руках довольно объемистую запись быта и обычного права казахов, произведенную в 40-х годах XIX века в связи с подготовкой положения по управлению степными областями. Братья Ф. М. и М. М. Лазаревские, с которыми Шевченко познакомился в Оренбурге и подружился, были людьми, изучившими и довольно хорошо знавшими быт казахов. И, наконец, Оренбургский и Орский гарнизоны, куда потом был зачислен Шевченко, принимали непосредственное участие в подавлении восстаний в степи. Отсюда, несомненно, Шевченко в той или иной степени был в курсе событий в Казахстане уже в первые годы ссылки. Несколько забегая вперед, нужно отметить, что Шевченко, будучи политическим ссыльным, лишенным права писать и рисовать, не мог, конечно, открыто писать о борьбе казахского народа с царизмом. Но в то же время в произведениях и рисунках Шевченко в качестве предмета изображения и рассказа часто встречается слово «батыр»: он рисует могилу батыра («Дустановы могилы»), говорит о погребении батыра («Дневник»), пишет о преданиях народа о батырах (повесть «Близнецы») и отмечает, что

казахи особо почитают своих батыров и их ставят выше святых. В тридцатых—сороковых годах XIX века, в период восстаний, казахи называли батырами Исатая, Махамбета и их сподвижников и других активных деятелей крестьянских восстаний. Не случайно также, что в рисунках Шевченко мы находим почти все виды казахского вооружения. По нашему мнению, все это является для Шевченко материалом, посредством которого он говорит в иносказательной форме о борющемся свободолюбивом народе.

С глубоким сочувствием относился Шевченко к трудовому казахскому народу. Казах рисуется Шевченко почти всегда в безводной, безжизненной пустыне.

Шевченко рисовал и писал о бедности и нищенском существовании казахов. Виновниками угнетенного, тяжелого положения казахского народа Шевченко прежде всего считает царских колонизаторов, начиная с «всемогущих сатрапов» Николая I и кончая непосредственными исполнителями колониальной политики в степи — казахскими султанами и феодальной знатью. На эту тему Шевченко предполагал написать поэму под названием «Сатрап и дервиш». Вот что пишет он в своем дневнике: «В ожидании утра я на этом полномесном фундаменте (имеются в виду социально-экономические условия жизни казахов. — Т. Б.) построил каркас поэмы вроде «Анджело» Пушкина, перенеся место действия на Восток, и назвал ее «Сатрап и дервиш»... Еще есть у меня в запасе один план, основанный на происшествии в Оренбургской сатрапии. Не присоединить ли его как яркий эпизод к «Сатрапу и дервишу»? Не знаю только, как мне быть с женщинами. На Востоке женщины — безмолвные рабыни, а в моей поэме они должны играть первые роли, — их нужно провести — как они и в самом деле были — немыми, бездушными рычагами позорного действия» («Дневник», запись от 19 июля 1857 года). Однако замысел поэта о написании поэмы остался неосуществленным.

Шевченко не только хотел правдиво описать положение казахского народа в Казахстане — «Орен-

бургской сатрапии», но и вывести его на суд общественного мнения, прежде всего, великого русского народа. Так, в той же записи «Дневника» Шевченко заявляет: «...эту оригинальную поэму нужно непременно написать по-русски» (разрядка наша. — Т. Б.).

В своих произведениях (особенно рисунках) Шевченко отмечает отсталость средств производства в казахской степи, господствующее применение примитивного ручного труда у казахов (ручные мельницы, крупорушки, примитивное ручное изготовление молочных и зерновых продуктов, ручное изготовление табака и т. д.), и как просветитель, возлагающий большие надежды на технический прогресс, верит в огромную освободительную роль машин. Он обращается к изобретателям паровых машин и восклицает: «Ваше молодое, не по дням, а по часам растущее дитя (т. е. машины.—Т. Б.) в скором времени пожрет кнуты, престолы и короны, а дипломатами и помещиками только закусит, побалуется, как школьник леденцом... Мое пророчество несомненно». («Дневник», запись от 27 августа 1857 года).

Теперь вернемся к жизни самого Шевченко. В первое время пребывания в Оренбурге он нашел, как мы отметили выше, некоторых образованных людей, приветливо встретивших ссыльного поэта. Однако предусмотрительное, «исполнительное» оренбургское начальство не оставило Шевченко в Оренбурге — вскоре он был направлен в заброшенную Орскую крепость для зачисления рядовым в орский гарнизон.

Здесь, в Орске, началась солдатская жизнь Шевченко. Днем — бесконечное обучение военному делу, бессмысленная муштра; вечером — душная и темная казарма.

Шевченко, по природе не отличавшемуся физической ловкостью, тяжело давалась пресловутая «шагистика». А между тем каждая ошибка в «шагистике» грозила ему суровым наказанием.

Несмотря на казарменный режим и строгое запрещение, Шевченко писал стихи на страницах маленьких записных книжечек, которые называл он «захалыв-

ными», потому что прятал их за «халяву» (голешице) сапога. Поэт жадно стремился к творческой деятельности, чтобы в ней продолжать борьбу с царским самодержавием. В письмах Шевченко к своим друзьям мы находим просьбы прислать ему побольше книг, бумаги, карандашей, красок. Однако вполне естественно, что, находясь в ужасных условиях, в постоянной опасности быть застигнутым на месте «преступления», Шевченко не мог развернуть свое творчество во всей его мощи. Особенно трудно было рисовать.

В одном из писем Шевченко писал: «...горько, невыносимо горько! И при всем этом горе, — мне строжайше запрещено рисовать что бы то ни было и писать (кроме писем), а здесь так много нового, киргизы так живописны, так оригинальны и наивны, сами просятся под карандаш, и я одуреваю, когда смотрю на них.. Сколько бы вам прислал новых и оригинальных рисунков, но что делать! А смотреть и не рисовать — это такая мука, которую поймет один только истинный художник». (Из письма В. Н. Репниной от 24 октября 1847 года)¹. Ко всему этому Шевченко и болел: кроме ревматизма, захваченного в каземате Петропавловской крепости, у него открылась цынга, от непривычного яркого солнца болели глаза. Шевченко желал хоть какой-либо перемены в жизни. И эта перемена вскоре представилась.

В сороковых годах XIX века царское правительство, чтобы быстрее упрочить свое положение в казахской степи, стало строить так называемую внутреннюю линию военных укреплений. Так возникли Уральское укрепление (Иргиз), Оренбургское (Тургай), Карабутак, Раимское укрепление (Аральское), Казалинск. Новопетровское (Форт Шевченко).

Наряду с задачей политического присоединения Казахстана к России встала задача и освоения этих новых территорий: их нужно было изучить. С этой

¹ Т. Шевченко. Повне зібрання творів, т. III. Листування. 1929, стр. 28—29.

В дальнейшем цитаты из «Листування» приводятся по данному собранию сочинений.

№ 200 1787 15

ШТАБА

ОТДѢЛЬНАГО ОРЕНБУРГСКОГО КОРПУСА

№ 1 Отделение

№ 67-201
1787

ДѢЛО

Объ опредѣленіи по турку въ Отдѣльномъ Управленіи
Рядовца Рядовскаго бывшаго Художника в. Потор
архивной Владиміа Художника Торосова
Шевченко. въ учрежденіи земли: строганинско
наездни, турки и переписки с казенными и
губернскими и рисунковъ, за что онъ перешелъ
въ роту ватажна 17, расположенна въ Ново-
Петровскомъ укреплении

Итого воеводы Иванъ 28 1787 года.
Итого 1787

№ 1787 листъ 1

Сдано въ Арханг. 28 года.

№ Арханг. 17

Обложка дела Штаба Отдельного Оренбургского корпуса о рядовом Шевченко.

целью в начале 1848 года была предпринята научная экспедиция по изучению Аральского моря. Экспедицией руководила группа офицеров генерального штаба во главе с капитан-лейтенантом А. И. Бутаковым. В задачу экспедиции входило исследование природы Аральского моря, флоры и фауны его берегов, проведение метеорологических и астрономических наблюдений. Для зарисовки видов Аральского моря Бутаков включил в состав своей экспедиции и художника Т. Шевченко, радостно принявшего это предложение.

Таким образом, пробыв в Орской крепости около 11 месяцев, Шевченко 11 мая 1848 года с ротой казаков Орской крепости выехал в экспедицию.

«12 мая, — читаем мы в повести «Близнецы», — транспорт в числе 3000 телег и 1000 верблюдов выступил из Орской крепости. Первый переход (с непривычки, может быть) я ничего не мог видеть и слышать, кроме облаков пыли, телег, башкирцев, верблюдов и полуобнаженных верблюдовожатых киргизов»...¹

Семисотверстный путь Шевченко пролегал по северо-восточным районам Актюбинской области и по пустыне Кара-Кум.

По пути Шевченко сделал ряд рисунков: «Кара-бутака», «Пожар в степи», «Дустановы могилы», «Иргиз-Кала», «Джангиз-агач» и др.

Караван экспедиции прибыл в Раим 19 июня 1848 года. В Раиме была собрана и спущена в Аральское море шхуна «Константин». На шхуне Шевченко делал множество рисунков и акварелей. В конце сентября шхуна бросила якорь в форте Кос-Арал на северо-восточном берегу Аральского моря. Это было место зимовки экспедиции. Форт Кос-Арал тоже представлял собой труппу из камышовых построек, кругом шумели холодные степные ветры. У поэта не было ни книг, ни связей с внешним миром, он снова переболел цынгой. Одиноким изгнанник отдавался думам, вспоминал свою живописную Украину. Зимняя ночь на Кос-Арале представлялась ему бесконечно длинной, его мучила

¹ Сам Шевченко с ротой выехал из Орской крепости не 12, а 11 мая; основная экспедиция была снаряжена в Оренбурге.

бессонница. Однако здесь Шевченко, живя среди образованных и внимательных к нему людей, членов научной экспедиции, имел возможность отдаваться творческой деятельности. Его увлекала огромная работа экспедиции, производившей очень важное исследование моря.

Кроме рисования, на что он имел официальное разрешение со стороны начальника экспедиции, он писал и множество стихов. Эти стихи поэт попережнему прягал от посторонних, потому, что в некоторых из них революционная мысль, направленная против царей и помещиков-поработителей, проявлялась слишком ясно («Хоть головы бы поснимали с царей, тех палачей людских!» и др.). С экспедицией Бутакова на Аральском море Шевченко пробыл до октября месяца 1849 года. Здесь Шевченко впервые близко познакомился с местным казахским населением. За полтора года пребывания на Аральском море Шевченко сделал множество бытовых и пейзажных рисунков, составивших довольно объемистый альбом. «Многое есть любопытного в Киргизской степи и в Аральском море, — писал Шевченко В. Н. Реллиной —...Лето проходило в море, зима в степи, в занесенной снегом джеломейке, вроде шалаша, где я, бедный художник, рисовал киргизов. «(Письмо из Оренбурга от 14 ноября 1849 года)¹. 6 ноября 1849 года экспедиция вернулась в Оренбург и привезла богатый материал о природе и особенностях Аральского моря; чрезвычайно ценным был также альбом Шевченко, давший точную картину северо-восточных берегов Аральского моря. По ходатайству Бутакова Шевченко разрешили остаться в Оренбурге для окончательной художественной отделки альбома с рисунками и акварелями. Воспользовавшись некоторой свободой, Шевченко в Оренбурге стал принимать частные портретные заказы; заказал ему портрет своей жены и начальник края Обручев. Было решено произвести Шевченко в унтер-офицеры (в приговоре об определении Шевченко рядовым был пункт «с правом выслуги»), для чего было послано в Петербург подробное ходатайство.

¹ Т. Г. Шевченко. Листування, стр. 40.

В это время Шевченко, пользуясь некоторой свободой, даже сбросил ненавистное ему солдатское обмундирование, познакомился с политическими ссыльными поляками—художником Брониславом Залесским и известным польским революционером, впоследствии другом Чернышевского, Сигизмундом Сераковским. Дружба Шевченко с ними продолжалась и после их освобождения. В дальнейшем Сераковский и Залесский были участниками польского восстания 1863 года. Восстание было жестоко подавлено царскими войсками. Залесскому удалось бежать за границу, а схваченный Сераковский по приказу Муравьева был повешен.

В Оренбурге же Шевченко подружился с офицером К. И. Герном (произведенным к этому времени в капитаны, а впоследствии — в полковники). Герн был в курсе дел восстаний в Казахстане. Герн проявил сочувствие к Шевченко: он поселил его у себя и отвел под жилье и мастерскую поэта флигель в саду. Шевченко, повидимому, оценил положительно эту попытку несколько облегчить его положение, о чем свидетельствует переписка между ним и Герном и записи Шевченко в своем «Дневнике».

По просьбе друзей поэта генерал Обручев согласился отправить Шевченко вместе с геологом Вернером в экспедицию на полуостров Мангышлак и в горы Кара-Тау для поисков каменного угля. Это уже сулило значительную свободу по сравнению с ненавистной казармой в Орске. Но надежды Шевченко не оправдались. Под самый новый, 1850, год из Петербурга пришло отношение, в котором выражалось неудовольствие (фактически это был выговор) Обручеву за то, что, несмотря на личный приказ Николая, Шевченко в Оренбурге разрешено было заниматься рисованием и прислано ходатайство о повышении его в чине. Лейтенант Бутаков был взят под тайный надзор полиции. На голову поэта обрушилась новая беда. Некий прапорщик Исаев из личной мести донес генералу Обручеву, что ссыльный Шевченко, вопреки высочайшему повелению, пишет стихи, рисует портреты и ходит в штатском платье.

Обручев понял, что такой же донос мог быть по-

2—Шевченко в Казахстане

ГАМБОУ КНЯ
Областная библиотека
имени А.С. ПУШКИНА

слан и в Петербург. Чтобы своевременно застраховать свою персону, Обручев велел немедленно арестовать Шевченко и произвести обыск на его квартире. При обыске были обнаружены «старый, поношенный, широкий партикулярный сюртук»; письма от разных лиц, «преимущественно на малороссийском языке»; два «альбома со стихами и песнями на том же языке, с разными фигурами, рисованными карандашом»; деревянный ящик с кистями и красками, библия, сочинения Шекспира, Лермонтова, «Евгений Онегин» Пушкина и прочее. Началось следствие. Местные власти пытались оправдаться перед Петербургом. Все отобранные письма были направлены в Петербург. Между тем, арестованный 27 апреля, Шевченко просидел на оренбургской гауптвахте до 12 мая, а потом этапным порядком был направлен снова в Орскую крепость. Генерал Обручев приказал коменданту крепости установить за Шевченко строжайший надзор и ни в коем случае не допускать того, чтобы он мог писать и рисовать. Между тем по доносу и материалам, поступившим из Оренбурга, в Петербурге шло расследование дела Шевченко. Следствие вел сам шеф жандармов граф Орлов. Несмотря на ходатайство друзей (В. А. Жуковского, кн. В. Н. Репниной), на отсутствие прямых обвинительных материалов, царское правительство решило считать достаточным поступивший из Оренбурга материал, чтобы подвергнуть поэта более суровому наказанию. 30 июня 1850 года из Петербурга пришло предписание «...освободить рядового Шевченко из-под ареста, перевести на службу под строгий надзор ротного командира в одну из рот 1-го Оренбургского батальона, расположенного на Каспийском море в Новопетровском укреплении, отправив его туда под присмотром благонадежного унтер-офицера».¹

Исполнители приговора были довольно аккуратны. 8 октября Шевченко в сопровождении унтер-офицера был отправлен в Гурьев. Путь до Гурьева лежал по

¹ Из статьи А. Дейча «Тарас Шевченко» в I томе собрания сочинений Т. Шевченко, изд. 1949 г.

«серебряным берегам Урала». За время этого пути поэт близко узнал быт и нравы уральского казачества.

13 октября Шевченко был отправлен на почтовой лодке из Гурьева в Новопетровское укрепление, куда прибыл 17 октября 1850 года.

Новопетровское укрепление (с 1857 года форт Александровский) было построено в 1847 году на полуострове Мангышлак и входило в состав Оренбургского края. Вся западная часть Казахстана к этому времени была окончательно присоединена к России. Но оставалась большая территория пустыни между Аральским и Каспийским морями—кочевье одного из многочисленных казахских родов — адайцев, куда не могли еще проникнуть представители власти. Адайцы, кочевавшие с места на место по огромной территории, были неуловимы и фактически не признавали над собой царской власти; поэтому этот район, граничивший с еще не присоединенным к России Хивинским ханством, больше всего беспокоил царские власти.

Новопетровское укрепление на восточном берегу Каспийского моря, имевшее большое военно-оборонное значение, служило целям предупреждения новых возможных восстаний в казахской степи и набегов хивинцев и туркменов, а также опорным пунктом для фактического подчинения адайцев царской власти.

Новое место ссылки оказалось для Шевченко более мрачным.

В своем письме к С. С. Артемовскому от 1 июля 1852 года Шевченко так описывает его:

«...а это укрепление, да ведомо тебе будет, лежит на северо-восточном берегу Каспийского моря, в киргизской пустыне. Настоящая пустыня! Песок да камень; хоть бы травка, хоть бы деревцо — ничего нет. Даже горы порядочной не увидишь — просто, чорт знает что! Смотришь, смотришь да такая тебя тоска возьмет — просто, хоть давись; так и удавиться нечем. Да, человек в несчастии живет в самом себе, как говорят разумные люди, т. е. размышляет... Признаюсь, я долго надеялся, но потом и рукой махнул. Да и в самом деле, мне счастье не

к лицу. Родился, вырос в неволе, да и умру, кажется, солдатом. Какой-нибудь да был бы скорее конец а то, в самом деле, надоело чорт знает по-каковски жить».¹

Картина только что возникшего Новопетровского укрепления была не лучше, если не хуже Орска. Небольшая крепость примыкала одной стороной к мелководному морю, а с трех остальных сторон простиралась мертвая бесконечная пустыня. Дожди выпадали очень редко, в удушающей жаре растения погибали. Степь была такой голой, что «не на чем было даже повеситься», как горько шутил Шевченко.

Гарнизон крепости состоял из двух рот первого Оренбургского линейного батальона. Тарас Шевченко был зачислен рядовым в роту. Офицеры роты были благоприятно предупреждены, что рядовой Тарас Шевченко — политический ссыльный, которому запрещено писать и рисовать; начальству также было известно, что, в Орске Шевченко прятал свои стихи за голенище сапога. Начальник Шевченко, ротный Потапов — тупой николаевский солдафон, систематически отравлял жизнь поэта своими мелочными придирками. «С трепетным замиранием сердца, — вспоминал Шевченко эти годы, — я всегда фабрировал усы, облачался в броню и являлся пред хмельно-багровое лицо отца-командира... должен был похоронить в самом себе всякое человеческое чувство, сделаться бездушным автоматом и слушать молча, не краснея и не бледнея, слушать нравственное назидание от грабителя и кровопийцы» («Дневник», запись от 20 июня 1857 года).

К Шевченко был приставлен дядька-солдат. Он следил, чтобы у Шевченко не было ни перьев, ни карандашей, ни чернил, ни бумаги.

«Неутомимый дядька подгонял его весьма неучтиво. Нужно было надевать амуницию, фабрировать усы.

Шевченко вышел на плац, когда вся рота была

¹ Тарас Шевченко. Собр. соч., т. V, стр. 64 — 65.

уже в сборе. Начальник подошел к нему и громко спросил:

— Рядовой Шевченко, почему безобразно запаздываешь?

Шевченко, отводя с гоской свой взгляд, пробормотал, что он болен.

— Это что за ответ, скотина! Голову держать прямо! Начальнику смотреть в глаза. Говорить громко! Понял, хохлацкая морда? Покажи, что в кармане!

С этими словами он сам вывернул карманы Шевченко.

Найдя огрызок карандаша, он разорался еще громче:

— Писать? Крамолу разводиться?! Ружья толком держать не умеешь, а карандашом орудуешь! Статуй фронт!»¹

Такое положение Шевченко продолжалось в течение нескольких лет.

Население Новопетровского укрепления состояло из солдат, «совершенных изпанок бывших» людей, офицеров-пьяниц и четырех десятков одичавших людей (лекарь, торговцы, поп).

Изредка приходила из Гурьева парусная лодка (почтовая), и еще реже—колесный пароход из Астрахани. Но в первые годы новопетровской ссылки поэт почти не получал писем и сам не писал. В этот период Шевченко подружился только с несколькими людьми. Особенно тепло отзывается Шевченко о двух солдатах. Они были земляками поэта; одного из них звали Скобелевым, другого— Андреем Обеременко. Задушевные разговоры о милой сердцу родине—Украине, о пережитом всеми ими горе и насилии со стороны власть имущих, народные украинские песни— все это было почти единственным утешением Шевченко в его «семилетней тюрьме». Хорошие отношения были у Шевченко с ссыльным поляком Фиалковским; с большим уважением отзывался Шевченко о бывшем ссыльном, в то время капитане, Мостовском, заведующем хозяйством Новопетровского укрепления. В сво-

¹ Л. Братъ и А. Дейч. Тарас Шевченко. М., 1939 г.

бодные от работ и муштровки часы Шевченко приходил к торговцу вином Зигмонтовскому, чтобы почтить получаемую им газету «Петербургские ведомости». Шевченко привлекала также наивная ложь старика, хваставшегося своей жизнью, якобы состоявшей из одних фантастических приключений. Зигмонтовский например, так объяснял происхождение прованского масла: «Однажды корабли адмирала Лазарева (с которыми, якобы, плавал сам рассказчик) остановились около острова Прованс, лежащего между Италией и городом Сингапур. На этом острове росли громадные деревья. Стоило надрезать на них кору, чтобы в бутылку хлынуло чистейшее прованское масло». Великой отрадой в жизни Шевченко было и его любимое вербовое дерево. Вот что пишет Шевченко об этом дереве: «В 1850 году, когда меня препроводили из Орской крепости в Новопетровское укрепление, — это было в октябре месяце, — в Гурьеве-городке я на улице поднял свежую вербовую палку и привез ее в укрепление и на гарнизонном огороде воткнул ее в землю, да и забыл про нее; весною уже огородник напомнил мне, сказавши, что моя палка растет. Она действительно ростки пустила; я ну ее поливать, а она расти, и в настоящее время она будет вершков шесть толшины в диаметре и, по крайней мере, сажени три вышины, молодая и роскошная; правда, я на нее и воды немало вылил, зато теперь, в свободное время и с позволения фельдфебеля, жуирую себе в ее густой тени. Нынешнее лето думаю нарисовать ее, разумеется, втихомолку. Она уже так толста и высока, что под карандашом Калама мог бы выйти из нее прекраснейший этюд. Вот вам один единственный эпизод из моей монотонной, безотрадной жизни» (Шевченко — Н. О. Осипову, 20 мая 1856 года).¹

Мы перечислили все то, что могло до некоторой степени отвлекать иногда Шевченко от удручающего одиночества и тоски.

Научиться бессмысленной муштровке он не хотел. «Я не только глубоко, — пишет Шевченко, — даже и

¹ Т. Шевченко. Листування, стр. 96—97.

поверхностно не изучил ни одного ружейного приема («Дневник», запись от 19 июня 1857 года). Это и злило командиров. В течение 1852 года Шевченко 63 раза стоял в карауле.

В своих письмах 1852 года к друзьям Шевченко постоянно жалуется на оторванность от культурных центров, от музыки, театра, литературы (К. А. Артемовскому), на ужасные условия жизни — одиночество, шестилетнее запрещение писать и рисовать (А. Лизогубу), на нищенское существование и просит прислать книг (Бодянскому).

В таком однообразии и бесчеловечном с ним обращении прошли первые два с половиной года новопетровской ссылки Т. Г. Шевченко. Положение Шевченко несколько улучшилось в 1853 году. Невежественного капрала-ротного Потапова перевели в Уфу, вместо него был назначен ротным простой и добрый служака Косарев. Комендантом укрепления был назначен майор И. А. Усков. Усков был человек культурный, добрый. Он увлекался впервые появившейся тогда фотографией, имел умную, красивую жену и ласковых, миловидных детей. Тарас Григорьевич, вообще страстно любивший детей, привязался к детям Усковых, которые, в свою очередь, полюбили поэта и звали его Горичем, сокращая трудное отчество; стал бывать в доме коменданта, где он, истосковавшийся одинокий поэт, нашел гостеприимство, ласку и чисто-сердечное, доброе отношение к себе. Он влюбился в Ускову. Поэта охватила глубокое чувство. Однако не могло быть и речи об открытом проявлении Шевченко своего чувства. Таким образом, Шевченко вынужден был затаить в себе чувство, не мог даже позволить себе намека на свою любовь к Усковой. Кроме того, чувство поэта страдало от того, что условия жизни победили эту женщину, которая, оказавшись в оторванном от мира Новопетровском укреплении, постепенно изменялась: сначала грустила и плакала, а через два года уже играла в карты, ругалась, сплетничала и на глазах Шевченко вырывала страницы из книги Лермонтова и скручивала из них папилютки. Майор Усков, разумеется, не решался сделать для Шев-

ченко особых облегчений; поэт попрежнему нес военную службу.

Но все же благожелательное отношение коменданта имело некоторое влияние на других офицеров. В свободное от службы время Шевченко мог отлучаться из крепости, часто уходил в степь, посещал ближние казахские аулы. Именно в этот новопетровский период он более близко сошелся с казахами, делая наблюдения над их жизнью, бытом, обычаями. С особой любовью он рисовал впоследствии казахских детей и делал многочисленные бытовые рисунки. Разумеется, Шевченко интересовал казахский трудовой народ, беднота. Он изображал типы и быт только бедной части казахов, в его письмах, литературных произведениях и дневнике упоминается народная масса, и мы не находим у него ни одного рисунка, где бы предметом изображения был казахский бай.

Во время пребывания в Новопетровском укреплении происходят значительные изменения в литературной практике Шевченко. Он почти не пишет стихов, за исключением того, что здесь он переделал свою поэму «Солдатов колодец» и в 1854 году, во время войны с Турцией, написал всего лишь несколько строк, выражающих гневное негодование поэта против режима кровожадного Николая. Но в то же время в новопетровский период Шевченко пишет множество повестей на русском языке; из них до нас дошло только двести

В Новопетровском укреплении с Шевченко не сняли запрета писать и рисовать, и он решил заняться лепкой; из глины он лепил фигуры казахов. Своё новое занятие Шевченко помимо других причин объясняет еще тем, что скульптура — вид искусства, более доступный для массового обозрения, тогда как картинная галерея недоступна народу.

Шевченко получает в Новопетровском укреплении письма, иногда деньги от друзей. Сам пишет друзьям письма. Приведем одно из таких писем к Б. Залесскому от 25 сентября 1855 года, в котором отразилось типичное состояние ссыльного поэта:

«Вчера был я на Хацга-Баба, обошел все овраги, поклонился, как старым друзьям, деревьям, с которых мы когда-то рисовали, и в самом дальнем овраге — помнишь, где огромное дерево у самого колодца обнажило свои огромные старые корни? — под этим деревом я долго сидел. Шел дождик, перестал; опять пошел, я все не трогался с места, мне так сладко, так приятно было под ветвями этого старого великана, что я просидел бы до самой ночи, если бы не охотники (чтоб им ни одного воробья не застрелить) меня потревожили. О, какие прекрасные, светлые, отрадные воспоминания в это время пролетели над моей головою!

Письмо вдохновенного Сигизмунда я с наслаждением прочитал. Настоящий поэт! Не отвечаю ему теперь, потому что надеюсь вскоре с ним увидеться в Ак-Мечети, а надеюсь я потому, что ты мне пишешь, не хочу ли я туда? Хочу, куда угодно хочу! Потому что я начинаю одуревать в этом безотрадно-однообразном прозябании.

Прошу тебя, Карла (Герн К. И. — Т. Б.) и всех добрых людей, кто может помочь мне хотя единым словом».¹

В 1855 году до Новопетровска дошла весть — умер «палач в короне» — Николай I. Скрытая радость охватила не только Шевченко, но и некоторых офицеров.

Шевченко стал надеяться на освобождение, ждал амнистии со стороны нового царя — Александра II. Новому царю были поданы многочисленные списки ссыльных на предмет амнистии, но царь вычеркнул из списков имя Шевченко и сказал: «Этот слишком сильно оскорбил мою бабушку и моего отца, чтобы я мог его простить». Вторая амнистия, объявленная царским правительством по случаю коронации нового царя, тоже не коснулась Шевченко.

По совету ученого Бэра, ненадолго посетившего с экспедицией Новопетровское укрепление, Шевченко

¹ Т. Шевченко. Листування, стр. 87—88

написал о своей судьбе вице-президенту Академии художеств графу Ф. П. Толстому, но без всякой надежды на помощь со стороны незнамого ему графа.

Как в 1838 году, так и теперь, за освобождение Шевченко боролись деятели русского искусства. Ценители искусства, лучшие люди дворянской интеллигенции, в их числе Ф. Толстой и его жена Настасья Ивановна Толстая, употребили для этого все силы, все свои связи и влияние; им помогли, в свою очередь, поэт Алексей Толстой, братья Жемчужниковы и другие деятели литературы и искусства. Наконец, петербургские власти дали согласие на освобождение Тараса Шевченко. Первого января 1857 года Шевченко получил радостное письмо из Петербурга от графини Н. Толстой, которая сообщала поэту о своих хлопотах об освобождении его из солдатчины. В начале июня 1857 года Шевченко получил письмо из Петербурга от своего друга Михаила Лазаревского, написанное 2 мая; Лазаревский поздравлял Шевченко с предстоящей свободой.

Однако распоряжение об освобождении Шевченко было направлено не к непосредственному начальству поэта, по месту его ссылки, а «по инстанции», то есть командиру Оренбургского корпуса, которому подчинялся и гарнизон Новопетровского укрепления. Много месяцев прошло для Шевченко в томительном ожидании этого распоряжения, а начальство не торопилось.

В письме к М. М. Лазаревскому Шевченко пишет: «Чорт их знает, что это они со мной делают... и до сих пор еще нет ничего из корпуса. Добивают они меня, нелюди, не боясь бога!..

Еще сроду с такой тоской не знался».¹

В ожидании прихода приказа Шевченко обзавелся рукодельной тетрадью и стал вести дневник, который он чаще всего называет «журналом».

Еще до этого, со дня прибытия в Орскую крепость, Шевченко начал писать дневник. Однако он не довел

¹ Перевод взят из статьи И. Айзеншток в V томе собр. соч. Т. Шевченко. Подлинник письма на украинском языке (Листування, стр. 118)

его до конца. В одном из писем Шевченко сообщает из Орска: «Со дня прибытия моего в к (репость) О(рскую) я пишу дневник свой. Сегодня развернул тетрадь и думал сообщить Вам хоть одну страницу, — и что же? — так однообразно грустно, что я сам испугался и сжег мой дневник на догорающей свече... Я дурно сделал,—продолжает дальше Шевченко, — мне после жаль было моего дневника, как матери своего дитяти, хотя и уroda.» (Письмо к В. Н. Репниной от 25—29 февраля 1848 года).¹

Только спустя десять лет, начиная с 12 июня 1857 года, Шевченко снова стал вести дневник при изменившихся обстоятельствах и продолжал его до 13 июля 1858 года. Из всего дневника наиболее развернутой и систематической является та часть, которая относится к казахстанскому (новопетровскому) периоду, т. е. записи с 12 июня по 29 июля 1857 года. Из сорока восьми календарных дней записей не было только за три дня (22, 23, 24 июня). Таким образом, Шевченко возобновил ведение дневника только за полтора месяца до освобождения, когда он начал готовиться к выезду из Казахстана. До этого он не мог и не хотел вести записей о виденном и пережитом. В продолжение десятилетней ссылки Шевченко слишком тяжело переживал свое бесправное положение ссыльного солдата и терпел почти одни только издевательства над собой со стороны ефрейторов, фельдфебелей, капралов всех мастей и рангов. Все это породило в душе великого поэта такую горечь, что даже писать об этом ему было невыносимо. Вот что рассказывает об этом сам Шевченко: «Мне следовало бы начать свои журналы со времени посвящения моего в солдатский сан, сиречь с 1847 года. Теперь бы это была претолстая и прескучная тетрадь. Вспоминая эти прошедшие грустные десять лет, я сердечно радуюсь, что мне не пришла тогда благая мысль обзавестись записной тетрадью. Что бы я записал в ней? Правда, в продолжение этих десяти лет я видел даром то, что не всякому и за деньги удастся видеть. Но как я

¹ Т. Шевченко. Лисгування, стр. 35.

смотрел на все это? Как арестанг смотрит из тюремного решетчатого окна на веселый свадебный поезд. Однако воспоминание о прошедшем, о виденном в продолжение этого времени приводит меня в трепет...¹

А теперь, в 1857 году, Шевченко чувствовал себя на половину свободным; об этом знало его новопетровское начальство, не поступило только официального распоряжения. В ожидании его Шевченко считал дни и часы прибытия каждой почты. Но «исполнители» не торопились. Шевченко записывал: «Неужели от 16 апреля до сих пор не могли сделать в корпусном штабе насчет меня распоряжения? Холодные, равнодушные тираны!.. Тяжело, невыразимо тяжело! Я одуреваю наконец, от этого бесконечного ожидания. Как быстро и горячо исполняется приказание арестовать. Так, напротив, вяло и холодно исполняется приказание освободить. А воля одного и того же лица. Исполнители одни и те же. Отчего эта разница? В 1847 году, в этом месяце, меня на седьмые сутки доставили из Петербурга в Оренбург. А теперь, дай бог, на седьмой месяц получить от какого-нибудь батальонного командира приказание отобрать от меня казенные вещи и прекратить содержание. Форма. Но я не возьму себе в толк этой бесчеловечной формы» («Дневник», запись от 18 июня 1857 года).²

И только 21 июля 1857 года в 11 часов утра Шевченко сообщили о поступлении бумаги об освобождении его, рядового Шевченко, от военной службы.

Дневник Шевченко является одним из лучших мемуарно-биографических произведений русской литературы XIX века. По дневнику мы узнаем не только внешние биографические факты его автора, но и входим в богатейший внутренний мир великого поэта-революционера: сколько сохранилось глубокого интереса к вопросам современной науки, литературы, искусства и общественной жизни у человека, влившего свое существование в солдатской казарме, в одиночестве!

¹ Тарас Шевченко. Собр. соч., т. V. М. 1949 г., стр. 52 — 53

² Там же, стр. 61.

Увидев мещанско-торговый, полуазиатский заброшенный город Астрахань, Шевченко радостно заметил в дневнике. «На человека, прозябавшего, как я, семь лет в нагой пустыне, всякий, даже богоспасаемый город Белебей (самый ничтожный городишко Оренбургской губернии), должен был бы сделать приятное впечатление. Со мной случилось не так. Стало быть, я не совсем еще одичал. Это хорошо». («Дневник», запись от 8 августа 1857 года.¹) Далее дается довольно подробное описание города Астрахани.

В «Дневнике» Шевченко прежде всего дает свой собственный образ и положение бесправного солдата на фоне бездушного, тупого казарменного режима.

Солдатчина в царской России была большим социальным злом, легшим всей своей тяжестью на плечи трудового народа. Не случайно в своих песнях, причитаниях народ прощался с рекрутом, как с умершим. «Жизнь эта разлука пуще мертвой», — гласит на родная пословица.

«Солдаты, — пишет Шевченко в «Дневнике», — самое бедное, самое жалкое сословие в нашем православном отечестве. У него отнято все, чем только жизнь красна: семейство, родина, свобода, — одним словом, все... Кажется, казак Луганский² написал книгу под заглавием «Солдатские досуги». Заглавие ложное. У русского солдата досуга не имеется». («Дневник», запись от 14 июня 1857 года).³

Особой, бессмысленной жестокостью отличалась солдатчина в Новопетровском укреплении, где служил Шевченко. В среде солдат было немало бывшего преступного элемента, отданного по воле родителей «на исправление». Офицеры укрепления были зачинщиками необузданного пьянства. В пьянстве соблюдался известный порядок. Солдатам жалованье выдавали не раньше, чем кончали пить офицеры. Солдаты пили во вторую очередь, когда офицеры уже успевали прощаться. «Это продлится, — замечает Шевченко, — не-

¹ Тарас Шевченко Собр соч, т. V, стр. 137.

² Казак Луганский — псевдоним Владимира Даля.

³ Т. Шевченко. Сбор. соч., т. V, стр. 66:

сколько дней сряду. И кончится как солдатская, так и офицерская попойка дракой и, наконец, курятником, т. е. гауптвахтой» (запись от 14 июня 1857 года)¹). Пьянство офицеров сопровождалось издевательством над солдатами, требованием с последних угощения. В «Дневнике» (записи от 27—28 июня) Шевченко приводит омерзительный случай, когда один из офицеров в отместку за то, что Шевченко отказался принять участие в его пьянстве, подал на него коменданту рапорт о том, что поэт «в нетрезвом виде наделал ему дерзости матерными словами». Шевченко угрожало серьезное судебное наказание за оскорбление офицера. «Делать нечего,—пишет Шевченко,—спрятал гордость в карман, напялил мундир и отправился просить прощения... И после многих извинений, прощений, унижений даровано мне было прощение с условием сейчас же послать за четвертью водки...

— Что, батюшка,—сказал один из них, подавая мне пухлую, дрожащую с похмелья руку,—вам не угодно было познакомиться с нами добровольно, как следует с благородными людьми, так мы вас заставили. На эту... речь уже пьяная компания захохотала, а я чуть не проговорил: мерзавцы! Да еще патентованные мерзавцы!» (Запись в «Дневнике» от 28 июня 1857 года².)

В буржуазном шевченковедении господствовало утверждение о том, что поэт в период ссылки якобы начал отходить от бунтарства и примирился с режимом самодержавия. Подобное утверждение является сознательным игнорированием политических убеждений поэта, о которых он ясно писал на страницах своего «Дневника». Внимательное чтение «Дневника» Шевченко убеждает нас в том, что в период ссылки, несмотря на ужасные условия существования и цензурные рогатки, поэт оставался в курсе наиболее важных общественно-политических событий в стране. Именно здесь, в Казахстане, революционно-демократические взгляды Шевченко приобрели более конкретный, последовательный характер. Он становится

¹ Тарас Шевченко. Собр. соч., т. V, стр. 76—77.

реалистом школы Белинского, понимающим задачу искусства как служение освободительным идеям и народности. В период ссылки мировоззрение Шевченко остается на уровне революционно-демократических идей Чернышевского и Добролюбова, у которых он учился. Не случайно Герцен назвал Шевченко «великим, совершенно народным писателем». Шевченко был боец того типа, который не только не сдается при неравной борьбе, но, наоборот, закаляется в борьбе и растет в ней.

Еще в 1901 году В. И. Ленин в статье «Отдача в солдаты 183-х студентов (Киевского университета. — Т. Б.) за учинение скопом беспорядков» писал: «Неудивительно, что отдача в эту школу произвола и насилия (т. е. в солдаты — Т. Б.) может быть наказанием и даже очень тяжелым наказанием, приближающимся к лишению прав. Правительство рассчитывает в этой школе обучить «бунтовщиков» дисциплине. Не ошибается ли оно в своем расчете? Не будет ли школа русской военной службы военной школой для революции? Конечно, не всем студентам под силу пройти полный курс такой школы. Одних сломит тяжелая лямка, погубит столкновение с военными властями, других — слабых и дряблых — запугает казарма, но третьих она закалит, расширит их кругозор, заставит их продумать и прочувствовать их освободительные стремления»¹ (Разрядка наша — Т. Б.).

Мы с полным основанием можем утверждать, что Шевченко полностью относится к этой третьей группе людей, о которых говорит В. И. Ленин. В своем «Дневнике» Шевченко с подчеркнутым сознанием своего достоинства отметил: «Мне кажется, что я точно тот же, что был и десять лет тому назад. Ни одна черта в моем внутреннем образе не изменилась. Хорошо ли это? Хорошо. По крайней мере, мне так кажется. И я от глубины души благодарю моего всемогущего создателя, что он не допустил ужасному

¹ В. И. Ленин. Соч., т. IV, 1946, стр. 390.

опыту коснуться своими железными когтями моих убеждений, моих младенчески светлых верований. Некоторые вещи просветлели, округлились, приняли более естественный размер и образ». («Дневник», запись от 20 июня 1857 года).¹ В этом признании — весь Шевченко. Десятилетняя солдатчина не могла убить духовную мощь последовательного революционера-демократа, напротив, он сохранил неподкупную верность своим убеждениям. Когда Шевченко писал о том, что «некоторые вещи просветлели, округлились, приняли более естественный размер и образ», то он имел в виду последовательное формирование своих революционных настроений, свое становление как деятеля крестьянской демократической революции. В другом месте своего «Дневника» Шевченко с гордостью замечает: «Не знаю наверно, чему я обязан, что меня в продолжение десяти лет не возвели даже в чин унтер-офицера. Упорной ли антипатии, которую я питаю к сему привилегированному сословию? Или своему невозмутимому хохлацкому упрямству? И тому и другому, кажется. В незабвенный день объявления мне конфирмации я сказал себе, что из меня не сделают солдата. Так и не сделали... И это льстит моему самолюбию» («Дневник», запись от 19 июня 1857 г.)²

Благородная душа великого поэта была наполнена жгучей ненавистью прежде всего против царя, «всемогущего сатрапа». Вот строки из дневника: «Август — язычник, ссылая Назона к диким готам, не запретил ему писать и рисовать. А христианин N (Николай — Т. Б.) запретил мне то и другое. Оба палачи». («Дневник», запись от 19 июня 1857 года).³

Во время пребывания на полуострове Мангышлак Шевченко часто уходил в казахские аулы, где делал немало интересных наблюдений о быте и обычаях казахов, главным образом, кочевого рода адайцев. В своем «Дневнике» (запись от 15 июля 1857 года)

¹ Тарас Шевченко. Собр. соч. т. V, стр. 65.

² Там же, стр. 63.

³ Там же, стр. 62.

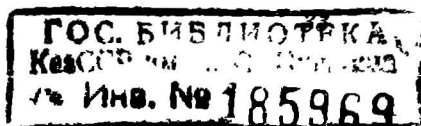
Шевченко дает подробное описание погребального обряда у казахов, не утратившее своего научно-этнографического значения по сей день. Этот же обряд запечатлен и в его рисунке «Далисмен мола аулие». В своем «Дневнике», в многочисленных рисунках Шевченко неизменно отмечает особую поэтичность, духовное богатство, глубокую преданность своей народной культуре (песня, домбра, национальный орнамент и т. д.), гостеприимство и наивную простоту казахов. Из всего этого как драгоценную черту он выделяет их «общезительность». Все эти положительные черты казахов Шевченко противопоставлял фанатической замкнутости уральской казачьей верхушки.

Причину духовной убогости уральских казаков Шевченко видит в их отсталости, раскольничьем фанатизме. В своей повести «Близнецы» и в «Дневнике» Шевченко приводит такой курьезный случай: «В 1848 году... У форта, на острове Кэс-Арале, где занимали гарнизон уральские казаки, вышли мы на берег. Уральцы, увидев меня с широкою, как лопата, бороною, тотчас смекнули делом, что непременно мученик за веру. Донесли тотчас же своему командиру, есаулу Чартогороду, а тот, не будучи дурак, зазвал меня в камыш да бац передо мною на колени. Благословите, говорит, батюшка! Мы, говорит, уже все знаем... Случись это глупое, смешное происшествие где-нибудь на берегах Урала, где были бы женщины, я не разделался бы так легко с этими изуверами... И это не простые, а почетные чиновные казачки» («Дневник», запись от 16 июля 1857 года).¹

Однако Шевченко проявляет это неприязненное отношение не ко всему казачеству в целом. В записи «Дневника» от 12 июля он приводит исполнение простым уральским казаком старинной донской казачьей песни булавинского цикла:

Возмутился наш батюшка,
Славный Тихий Дон,
От всрховьнца
Вплоть до устьяца.

¹ Тарас Шевченко. Собр. соч., т. V, стр. 111.

И поэт замечает, что песня ему чрезвычайно понравилась. Шевченко возмущала, как он отметил, косность верхов чиновного казачества. А главное то, что они превратились в руках царского правительства в сторожевых псов колониальных интересов царизма, в военные кадры, готовые на все для «умиротворения киргизов».

Во времена Шевченко на литературной арене подвизались казакоманы — официальный этнограф Небольсин и черносотенный писатель, наиболее реакционный идеолог уральского казачьего кулачества — Железнов.

Вот строки революционного, подлинно народного писателя Шевченко, дышащие благородной ненавистью к официальной идеологии: «Не знаю, чем восхищается в уральцах этот статистик-юмористик и вдобавок враль Небольсин?.. помянутый враль в восторге от их общежития и мнимого гостеприимства. Верно, ему, пьяному, в прыжном погребеке диктовал какой-нибудь Железнов статейку под названием «Уральские казаки», а он под веселую руку, записал да и посвятил еще В. И. Далю. Бессовестны, вредны и подлы, наконец, такие сгисатели» («Дневник», запись от 12 июля 1857 года).¹

¹ Тарас Шевченко. Собр. соч., т. V, стр. 103—104.

**КАЗАХСТАН
В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
Т. Г. ШЕВЧЕНКО**

В казахстанский период своей жизни (1847—1857 гг.) Шевченко написал большое количество литературных произведений: свыше ста стихотворений, почти все девять русских повестей и дневник. Во многих из этих произведений Т. Г. Шевченко отразил природу и условия жизни казахского народа; к ним, к этим произведениям, можно поставить эпитафией слова великого поэта-патриота, относящиеся к его любимой родине:

..И лишь одно
Я знаю — мне не все равно,
Что Украину злые люди,
Лукавым убаюкав сном,
Ограбят и в огне разбудят
Ох, это мне не все равно!¹

Поэт революционной демократии, непримиримый враг самодержавия и крепостничества, подлинно народный поэт-гуманист Т. Шевченко не мог оставаться равнодушным к «степным дикарям», «иногородцам»;

¹ Тарас Шевченко. Собр. соч., т. I, стр. 371.

наоборот, его глубоко волновала историческая судьба казахского народа, стонавшего под двойным гнетом: под гнетом русских помещиков и торговцев, с одной стороны, и казахских баев, с другой. Национальная политика царизма, превратившего Россию в «тюрьму народов», во всей неприкрытой наготе проявлялась на национальных окраинах и в более жуткой форме в казахской степи. Все это видел Шевченко своими глазами, и, естественно, в нем еще более укрепились революционные настроения. Об этом свидетельствуют стихи периода ссылки, в том числе такие из самых антимонархических произведений, как «Цари», написанное в 1848 году в Кос-Арале, «Варнак», написанное в 1848 году в Орской крепости, и «Неофиты», написанное спустя несколько месяцев после казахстанской ссылки. Таких произведений можно привести еще больше. Все они убеждают нас в том, что элементы игнорирования творчества и мировоззрения Шевченко периода ссылки, продолжающие оставаться в шевченковедении до последнего времени, не имеют под собой почвы.

Мы имеем полное основание утверждать, что рост революционных настроений Шевченко 1857—60 гг был дальнейшим продолжением и углублением уже утвердившихся идей периода ссылки.

Поэт крестьянской демократической революции, выросший на почве идей Белинского и Чернышевского, Тарас Григорьевич Шевченко очень быстро по приезде в Орскую крепость заинтересовался и обратил серьезное внимание на новый край и на его население.

Прежде всего в глаза Т. Г. Шевченко бросилась бедность природы, отсутствие культурной обработки земли, безводие, безлесие бескрайних казахских степей:

...Горе нам,
Невольникам и сиротам,
В степи бескрайной за Уралом!

¹ Тарас Шевченко. Собр. соч., т. II, стр. 50.

В стихах Шевченко часто встречаются строки горечи при виде неприглядной картины казахских степей: «незапертая тюрьма», «никудашное море»,¹ «Чужбина... пустыня»,² «Прозябаю в пустыне»,³ «Далекая страна»,⁴ «Кос-Арал убогий»⁵, «помертвевшая пустыня, кинутая богом»⁶ и т. д. Те же эпитеты поэт часто повторяет в своих письмах этого периода.

Стихотворением «Думы мои, думы мои» открывается большой раздел поэзии Шевченко, написанный в ссылке.

В этом первом стихотворении поэт обращается к своим думам с призывом прилететь стаяй из днепровских степей, из далекой любимой родины — Украины:

Прилетайте сизокрылой
Стаей голубиной
Из-за Днепра широкого
Погулять в пустыне
С киргизами убогими.
Хоть они убоги,
Хоть и голы., да на воле.⁷

Шевченко как революционера, выступившего в эпоху николаевской реакции против крепостничества и самодержавия, прежде всего интересовала проблема политической свободы. Поэтому преимуществом казахов перед закрепощенным украинском народом он считает волю. Казахи, хотя бедны, нищи, но пока на воле: отсутствие оформленного крепостного права у казахов обеспечивает им некоторую относительную свободу.

Но в то же время Шевченко ясно понимал и правильно оценивал историческую обстановку.

Царизм уже заканчивал процесс присоединения основных территорий Казахстана к Российской империи. Как и все передовые люди России, начиная с пе-

¹ Тарас Шевченко. Собр. соч., т. II, стр. 123.

² Там же, стр. 124.

³ Там же, стр. 178.

⁴ Там же, стр. 217.

⁵ Там же, стр. 223.

⁶ Там же, стр. 225.

⁷ Там же, стр. 17.

риода декабристов, Шевченко считал исторически неизбежным и наиболее верным для народов окраин присоединение их к России. Однако Шевченко сознавал, что царское правительство вовсе не собирается благодетельствовать казахский народ; наоборот, он был убежден, что это присоединение ставит трудящихся казахов под двойной гнет, что судьба народа уже пред решена. Об этом Шевченко пишет в стихотворении 1847 года из Орской крепости, адресованном своему другу, врачу А. О. Казачковскому:

С начала мира и поныне
Таилась от людей пустыня,
Но все же добрались мы к ней.
Остроги возвели повсюду,
А значит, и могилы будут.
Теперь дела пойдут быстрей.¹

Эти строки свидетельствуют о том, что Шевченко почти тотчас же по приезде стал думать о судьбе казахского народа, потому что его судьба напоминала ему судьбу всех других угнетенных царизмом народов. прежде всего — судьбу родины самого поэта — Украины.

Русские революционные демократы и Т. Г. Шевченко, поднимая знамя народной революции против самодержавия и крепостничества, не упускали из виду освободительной борьбы народов окраин России. В связи с этим достаточно вспомнить отношение русских демократов (Герцен, Чернышевский) к польскому восстанию и братское их участие в судьбе польских революционеров. Передовые люди России давно почувствовали возможность совместной борьбы угнетенных народов против царского самодержавия.

Еще А. С. Пушкин писал об участии в пугачевском восстании чувашей, татар, башкир и казахов.

В вышеприведенном стихотворении Казачковскому Т. Г. Шевченко повторяет тот же мотив, что и в стихотворении «Кавказ», написанном за два года до прибытия в Казахстан, о том, что царские опричники

¹ Тарас Шевченко. Собр соч., т. II, стр. 57.

ограбили горцев, обрекая последних на гибель. Шевченко мечтал о совместной борьбе народов окраин и русского народа против колонизации, деспотизма, грабежа и насилия со стороны и русских и местных капиталистов, помещиков, чиновников и прочих эксплуататорских элементов; и великий революционный демократ Т. Г. Шевченко верил, что рано или поздно наступит желанная свобода для всех народов России.

Вот строки об этом из стихотворения «Кавказ»:

Встанет правда, встанет воля,
И тебя, великий,
Будут славить все народы
Вовеки и веки.
А пока — струятся реки,
Кровавые реки.¹

В 1848 году Т. Г. Шевченко написал свое известное стихотворение «Топор был за дверью у господ бога».

В этом стихотворении говорится о том, как однажды казахи похитили лежащий за дверью у бога топор и стал им рубить дерево; тотчас же вырвавшись из рук казаха, топор сам стал рубить лес и начался страшный пожар в степи, длившийся в течение семи лет. В результате пожара сгорели лес, сады, города и села, даже пепел разметал ветер, краснела одна лишь глина. От этого пожара уцелело только одинокое дерево, и казахи приезжают, умоляют его, чтобы «поросли пустило в их убогом крае».

Более подробное описание страшного степного пожара и одинокого дерева Т. Г. Шевченко дает в повести «Близнецы» в том месте, где говорится о переходе каравана из Орской крепости к Аральскому морю. «Невиданная картина представилась моим изумленным очам: все пространство, виденное днем, как бы расширилось и облилось огненными струями почти в параллельных направлениях... Мана ауля агач (здесь святое дерево) — это слово меня изумило... действительно, верстах в двух от дороги, в ложбине, зеленело топо-

¹ Тапас Шевченко. Собр. соч., т. I, стр. 316.

левое старое дерево. Я застал уже вокруг него порядочную (толпу), с удивлением и даже (так мне показалось) с благоговением смотревшую на зеленую гостью пустыни. Вокруг дерева и на ветках его навешаны набожными киргизами кусочки разноцветных материй, ленточки, пасма крашенных лошадиных волос и самая богатая жертва — это шкура дикой кошки, крепко привязанная к ветке. Глядя на все это, я почувствовал уважение к дикарям за их невинные жертвоприношения». Этой теме Шевченко посвятил ряд своих рисунков («Пожар в степи», «Джангиз агач»).

До сих пор в украинском и русском шевченковедении существует мнение о том, что стихотворение «Топор был за дверью у господа бога»¹ написано на основе казахской легенды, слышанной поэтом от казахов. Однако это утверждение нуждается в значительном дополнении и требует серьезного научного анализа. Дело в том, что сюжет стихотворения, безусловно, носит легендарный характер. Причем, здесь имеется несколько легендарных мотивов, и не все они являются казахскими, а именно: рассказ о том, что у странствующего вместе с апостолом Петром бога казах похитил топор, лежащий за его дверью, и стал им рубить лес, — не встречается в казахских легендах.

Образ топора-самосека, приносящего всепоглощающее бедствие — мотив очень древний и имеет международную распространенность. Бедствие продолжается в течение семи лет, и именно это можно считать в основе мотивом казахским или, вернее, вообще народным. Об этом скажем ниже, а сейчас вкратце остановимся на трактовке исследователей, которые говорят, что пожар, показанный Т. Шевченко, есть аллегорическое выражение восстаний в казахской степи в первой поло-

¹ Почти во всех изданиях Т. Г. Шевченко дата и место написания этого стихотворения указаны, как «Орская крепость, 1848 год». По нашему убеждению, это ошибочно. Стихотворение могло быть написано только после того, как Т. Шевченко оставил Орскую крепость (11/V — 1848 год) и в составе экспедиции Бутакова, по пути в Аральское море, увидел степной пожар, одинокое дерево в казахской степи и строившуюся крепость Кара-бутака.

вине XIX века. И действительно, сам Шевченко конкретно называет территорию, охваченную страшным пожаром:

И стала тьма, и от Урала
И до Тангиза, до Арала
Кипела в берегах вода.

Шевченко, политический ссыльный, отданный в солдаты за революционные стихи, отбывающий свое тяжкое наказание без права «писать и рисовать», вынужден был говорить многое иносказательным языком: аллегория у него имеет место не только в поэзии, но и в рисунках. Нужно также сказать, что в конспиративных целях даты написания своих русских повестей, относящихся к казахстанскому периоду, писатель обозначал более ранними сроками, чтобы в случае обыска сослаться на то, что они написаны им еще до ссылки.

Если статья на точку зрения гипотезы об аллегорическом отражении в этом стихотворении народных восстаний казахов, необходимо добавить следующее: в конце указанного стихотворения поэт пишет об одиноком дереве, которое:

И шепчется с долиною
О времени старом.
И кайсаки почитают
Дерево святое,
Любоваться приезжают
Зеленой листвою,
И молятся под деревом,
Его умоляя,
Чтобы поросли пустило
В их убогом крае.

Не можем ли мы усмотреть в этих строках символическое выражение идеи подавленного народного восстания, живущей в народе, готовой охватить народные массы с новой силой в ближайшем будущем?

Образ одинокого дерева в степи, безусловно, имеет большое символическое значение.

Верблюд заплачет, а кайсак (читай — казах — Т. Б.)
Нахмурится и грустно взглянет.

На степь и на Кара-бутак,
Сингич-агач¹ кайсак помянет...

Здесь название «Кара-бутак» означает не речку, как это комментируют до сих пор, а крепость, стоящую на холме, на берегу речки Кара-бутак. Крепость тоже носила название Кара-бутак; ее Т. Шевченко точно воспроизвел в одноименном рисунке.

Казах смотрит в степь, где недавно происходили события борьбы, и на Кара-бутак, где стоят воинские силы, подавившие восстание казахов.

Однако при всей правдоподобности гипотезы о том, что стихотворение Шевченко аллегорически изображает народные восстания, она нуждается в ряде новых доказательств и исследований. Если взять восстание казахов Внутренней Букеевской орды, то это движение началось в 1827—29 гг. и с перерывом закончилось в 1838 году, а вернее всего, вооруженное крестьянское восстание, руководимое Исатаем Таймановым и Махамбетом Утемисовым, началось в 1836 году и закончилось со смертью Исатая Тайманова в 1838 году.

Иначе говоря, продолжительность и этого восстания не совпадает с продолжительностью шевченковского пожара.

Почему именно Шевченко в своем стихотворении отметил продолжительность пожара семью годами?

Мы склонны думать, что в основе этого лежит народный мотив. Число семь очень часто встречается в казахских народных легендах, преданиях, обычаях и фольклорных произведениях. Число семь часто встречается в русской и украинской словесности. Глубоко народному поэту Шевченко, часто обращавшемуся

¹ На том основании, что слово «сингич-агач» на казахском языке означает «ломаное дерево», некоторые исследователи склонны именно так и называть его. По-нашему мнению, это неверно, во-первых, потому, что «сингич» означает по-казахски «способное ломаться», что не соответствует смыслу стихотворения, во-вторых, перед этим сам Шевченко говорит: «дерево одно». «Сингич» — искаженное произношение слова «жангиз», означающего «одинокий».

к фольклорным источникам для своих произведений, этот мотив был, конечно, давно знаком, и он использовал его.

Несомненно, к казахскому народному мотиву относится также и образ одинокого, величественного дерева (бэйтерек), стоящего в степи над дорогой. Такой образ часто встречается не только в казахских народных песнях, легендах и сказках, но и в казахской поэзии XIX и начала XX веков. Также верно подметил Шевченко в своих стихах и рисунках, что казахи очень часто такое дерево почитали за «священное» дерево, к которому совершали паломничество. Почитание казахами «священного» дерева, повидимому, уходит своими корнями во времена первобытного язычества.

С июня месяца 1848 года по ноябрь месяц 1849 года Т. Г. Шевченко, находясь в Аральском море в составе экспедиции Бутакова, имел сравнительно больше свободы, и поэтому этот период был наиболее плодотворным в поэтической деятельности Шевченко.

Примерно три четверти поэтических произведений Шевченко (стихи), относящихся к казахстанскому периоду его жизни, написаны во время пребывания поэта в Кос-Арале, на Аральском море.

Большинство стихотворений Шевченко кос-аральского цикла носят интимно-лирический характер; в них поэт с исключительной силой и правдивостью раскрывает перед нами свои внутренние переживания. При виде угрюмой природы «убогого» Кос-Арала, который он назвал «своей незапертой тюрьмой», поэт постоянно вспоминал живописную природу Украины, стоявшей под крепостным ярмом. Приговор Николая I «запретить писать и рисовать» еще не был отменен. Отсюда нет ничего удивительного, что кос-аральские стихи Шевченко окрашены горестным настроением. Однако в поэзии Шевченко и этого периода нет безнадежности и пессимизма.

В одном из последних стихотворений этого периода Шевченко, прощаясь с Кос-Аралом, где он одновременно переживал грусть и имел возможность развлечься любимым искусством, писал:

Прощай же, Кас-Арал убогий.
Два года злую грусть мою
Ты все же развлекал умело.
Спасибо!
Прощай, мой друг! Твоей земли
Не славлю я, не проклинаю.
Быть может, вновь тоску узнаю,
Изведенную в этом крае,
Но от него уже вдали.

6 ноября 1849 года Шевченко с начальником экспедиции Бутаковым из Раима (Аральское море) вернулся в Оренбург. Пока не был получен новый выговор Николая I оренбургским властям за ходатайство о разрешении Шевченко заниматься рисованием, поэт пользовался сравнительной свободой и в 1850 году написал в Оренбурге значительное число поэтических произведений, в том числе поэму «Петрусь» и огромной революционной силы стихотворение «Бывает, в неволе мечтать начинаю». В этом стихотворении имеются строки, полные неудержимого революционного гнева, например:

...Дай же мне
Когда-нибудь, мой боже милый,
В твой мир вернуться из могилы —
Изжарю шляхту на огне.

Этот же мотив кровавой мести господам встречается и в стихотворении «Варнак».

Значительным событием в творческой биографии Т. Г. Шевченко является его переход к прозе на русском языке. На русском языке в начале сороковых годов Шевченко пишет две поэмы, «Слепой» и «Тризна», и свои драмы, но из последних до нас дошла драма «Назар Стодоля» и отрывок из драмы «Никита Гайдай». Поэтому о не дошедших до нас драматических произведениях говорить очень трудно. Также нельзя считать удачной и судьбу повестей Шевченко. Из написанных им двадцати повестей до нас дошли девять, о десятой повести известно только, что название ее — «Повесть о бедном Петрусе». Все остальные повести утеряны.

Т. Г. Шевченко пытался опубликовать свои повести

под псевдонимом К. Дармограй, чтобы обойти цензурные запрещения писать. Однако все его попытки не увенчались успехом — при жизни поэта ни одна из его повестей не увидела света.

Так называемые «друзья» поэта из украинских буржуазных националистов, к которым обращался за помощью находящийся в ссылке Шевченко, сознательно препятствовали напечатанию повестей; не только при жизни поэта, но и после его смерти, они долгое время держали рукописи повестей под спудом. Вот что писал Пантелеймон Кулиш Тарасу Григорьевичу Шевченко в своем письме от 1 февраля 1858 года:

«Если бы у меня были деньги, я бы у тебя купил их (русские повести. — Т. Б.) и все вместе и сжег. Читал я твою «Княгиню» и «Матроса». Может, ты мне не поверишь, скажешь, что я москвичины не люблю, потому браню.

Так вот же тебе: ни одна редакция журнальная не захотела их печатать».¹

Украинский националист П. Кулиш злорадствует здесь по поводу неудачи с публикацией повестей, потому что они написаны на русском языке, потому что великий поэт хотел писать для более широкого круга читателей, стать поэтом не только украинского, но и русского народа. Украинские националисты распространяли также легенду о художественной неполноценности повестей Шевченко. В известном «извещении о прозаических сочинениях Т. Г. Шевченко на великорусском языке» в журнале «Основа» в 1862 году прямо говорится о «.. довольно слабых сочинениях поэта, писанных на великорусском языке прозою».

Только в 1881 году, спустя ровно 20 лет после смерти Т. Шевченко, в журнале «Исторический вестник» появилась одна из его повестей («Несчастный»), а все девять русских повестей были изданы отдельным

¹ Тарас Шевченко. Листування, стр. 297. (Оригинал на украинском языке. — Т. Б.)

сборником лишь в 1888 году со значительными искажениями текстов.

На сохранившемся автографе повести «Наймичка» рукою Шевченко помечено «25 февраля 1844, Переяслав»; на другой повести поставлено «Варнак» 1845 года. Киев». Остальные повести датированы между 1853—1856 годами, за исключением второй части повести «Прогулка с удовольствием и не без морали», помеченной 16 февраля 1858 года.

Однако указанные даты и места написания повестей «Наймичка» и «Варнак» не соответствуют действительности. В первой повести «Наймичка» автор, вспоминая свою молодость, широкие степи родной Украины, пишет:

«Грустно мне вспоминать теперь те степи широкие, беспредельные, которые я тогда видел и которых уже не увижу никогда!»

С весны 1843 по февраль 1844 года Шевченко путешествовал по Украине, с июля по сентябрь 1844 года он совершает вторую поездку по Украине. Следовательно, у Шевченко не было никаких причин заявлять: «...не увижу никогда!» В другом месте этой же повести автор пишет: «...бывают и миражи, как будто бы в необитаемых, бесплодных и безводных степях киргизских» (разрядка наша. — Т. Б.).

В повести «Варнак» место действия перенесено в Оренбургский край, в Илецкую защиту (Соль-Илецк).

Отсюда становится очевидным, что Шевченко мог написать приведенные выше строки уже увидев своими глазами казахские степи. Мы с полной уверенностью можем сделать заключение, что даты обоих указанных повестей носят конспиративный характер, чтобы в случае жандармского обыска иметь возможность сослаться на то, что эти повести написаны еще до вынесения приговора, запрещавшего «писать и рисовать».

Все эти факты являются вполне достаточными, чтобы считать, что русские повести Шевченко написа-

ны в период мангышлакской ссылки, за исключением второй части повести «Прогулка с удовольствием и не без морали», законченной уже в 1858 году по освобождению от солдатчины.

В январе 1853 года комендантом Новопетровского укрепления был назначен уже упоминавшийся выше майор Ираклий Александрович Усков. При нем положение Шевченко значительно облегчилось. И Шевченко снова возвращается к литературной деятельности. Можно предположить, что повести «Варнак» и «Наймичка» были первыми повестями Шевченко на русском языке и что написаны они были до 1853 года, так как, начиная с этого года, Шевченко уже обозначает даты написания своих произведений систематически и более или менее точно; следовательно, не было необходимости прибегать к конспиративной датировке только двух этих повестей среди других.

В 1856 году в своем письме к Б. Залесскому сам Шевченко говорит о «Варнаке» как о давно написанном произведении. Вот что он пишет:

«Я весьма опрометчиво поступил с моим «Варнаком», и тем более, что черновую рукопись уничтожил. И теперь не знаю, что мне и делать.

Если он у тебя переписан, то пришли его мне, там нужно многое поправить. Слог вообще довольно шершавый. Во всяком случае не посылай его Осипову».¹

Шевченко был лишен свободы, отделен от друзей и русской культуры, окружен унтер-офицерами, фельдфебелями, ефрейторами и т. д., и в продолжение десяти лет он оставался солдатом, у которого «отнято все, чем только жизнь красна». Хорошая книга была для него редким явлением. В этих условиях основным материалом для повестей Шевченко послужили его воспоминания о прошлом. Это, прежде всего, горячо любимая им Украина, которую Шевченко знал лучше, чем кто-либо другой из его современников. Шевченко,

¹ Тарас Шевченко. Листування, стр. 101—102.

обладая исключительной памятью, весь этот поистине огромный материал обобщил в своих повестях под социальным углом зрения. Героями повестей Шевченко являются люди, вышедшие из крестьянской среды, испытывавшие все ужасы крепостного рабства. Большая часть повестей Шевченко носит мемуарно-автобиографический характер: с особенной сердечной теплотой пишет великий украинский поэт о деятелях русской культуры.

В ряде своих повестей Т. Г. Шевченко отразил свои впечатления о природе, быте и людях казахских степей. Мы уже приводили выше из повести «Наймичка» описание широкой равнины недалеко от ромодановского шляха, где «в летние жаркие и тихие дни. бывают и миражи, как будто бы в необитаемых, бесплодных и безводных степях киргизских»¹; упоминание о казахской степи встречается и в повести «Прогулка с удовольствием и не без морали». Но более подробное описание казахских степей, или описание крепостей Оренбург, Орск, дается в повестях «Варнак», «Несчастный» и «Близнецы».

Повесть «Варнак» начинается с описания Соляной защиты (ныне Илецкая защита), бедности ее населения.

Об этом крае Шевченко обещает на досуге написать «...четырёхтомный нравописательно-исторический роман, в котором потщуся, — пишет он, — изобразить с микроскопическими подробностями нравы, обычаи и историю сего архиправославного народа».²

Причиной бедности местного населения Шевченко, повидимому, считает отсутствие культурной обработки земли, непригодность к тяжелому крестьянскому труду традиционно военного сословия—русского казачества, к которому он относился резко отрицательно.

Несколькими строками ниже Шевченко сообщает, что герой повести, бывший варнак «...имеет у себя че-

¹ Тарас Шевченко. Собр. соч., т. III, стр. 13—14.

² Тарас Шевченко. Собр. соч., т. III, стр. 82.

ловек десять работников, хотя из киргиз, но дай бог, чтобы русские так работали, как эти полудикари...»

Повесть «Несчастный» начинается с описания убогой крепости Орск: «грязные татарские домишки», лепящиеся под горою, «инженерный двор с казематами для каторжников», «батальонные казармы с квадратными небольшими окошками» и т. д. Все это не что иное, как сатира на самодержавно-военные порядки в России того времени. И снова Шевченко отдает дань наблюдательности казахского народа, отметив в самом начале повести, что «...крепость Орск местные киргизы называют Яман-кала (плохой городок. — Т. Б.), и это название чрезвычайно верно определяет физиономию местности и самой крепости».

Из всех повестей Шевченко наиболее подробное описание Казахстана дается в его повести «Близнецы». По этой повести мы можем проследить все пути и основные пункты пребывания Шевченко в ссылке. Один из персонажей повести Зосим Сокирин попадает в Астрахань; здесь упоминается о туркменском аргамеке (коне), доставленном из Новопетровского укрепления. Молодой врач Савватий Сокира проходит через те же места, где приходилось побывать и самому Шевченко; и очень часто в «Оренбургской мухе», «Римской мухе» — своих письмах к родным, Сокира сообщает факты, известные нам из жизни самого Шевченко. Поэтому и эта повесть во многом носит автобиографический характер. Например, молодой талантливый врач С. Сокира, мечтавший о большой научной карьере, находясь в Оренбурге, «...начал жаловаться на скуку и однообразие... вскоре им овладела такая тоска, что он готов был забыть и то, что знал... Более полутора года длился для него этот нравственный застой». Все это и следующие строки о пребывании Сокиры в Оренбурге безусловно говорят о положении самого Шевченко в первые годы его жизни в Новопетровском укреплении.

Герой повести С. Сокира в дальнейшем попадает в Орскую крепость, потом, подобно самому Шевченко, он оказался участником экспедиции на Аральское

море. Так почти точно повторяются биографические факты из жизни самого Шевченко с соблюдением даже дат его участия в экспедиции Бутакова. В повести дается подробное описание семисотверстного пути из Орска через казахские степи в Раим

Это путешествие произвело на Шевченко огромное впечатление, послужило источником тем для его отдельных произведений (стихи, дневник и множество рисунков, в их числе «Пожар в степи», «Джангиз-агач», «Кара-бутака», «Дустановы могилы» и многие другие).

Шевченко первым по времени дает более подробное физико-географическое описание этой части казахских степей и, самое главное, мечтает о культурном преобразовании степи, делает чрезвычайно ценные научные догадки; в одном месте повести он пишет: «...замечательно, что все это пространство усыпано кварцем. Отчего никому в голову не придет на берегах этих речек поискать золота? Может быть, и в киргизской степи возник бы новый Сан-Франциско. Почему знать?»¹

Кроме того, Шевченко излагает также свои наблюдения над социальным бытом и обычаями казахов.

«О, как живописно описал он (речь идет о Сокире. — Т. Б.) это апрельское утро в своем дневнике!

Он живо изобразил в нем и незиданную им киргизскую степь, уподобляя ее Сахаре, и патриархальную жизнь ее обитателей, и баранту², похищение...»

В другом месте Шевченко пишет: «Первые листки свои из степи он (т. е. Сокира. — Т. Б.) еще кое-как разнообразил, например, описывая быт кочующих полунагих киргизов, сравнивая их с библейскими евреями, а аксакалов их — с патриархом Авраамом.

¹ Тарас Шевченко. Собр. соч. «Близнецы», т. IV, стр. 110.

² Б а р а н т а — искаженное произношение слова «барычта» — угон скота, отщипывание за такой же поступок противной стороны.

Иногда касается он слегка обитателей самого укрепления, сравнивая их с разнохарактерной толпой».

Далее Шевченко приводит свои чрезвычайно интересные наблюдения над практикой казахской народной медицины и народных профилактических мероприятий против укуса тарантулов: «...от скорпионов и тарантулов расстилают на земляном полу хижины войлок, которого они, по сказаниям киргизов, страшно боятся, потому что от войлока пахнет бараном, а баран, как известно, лакомится ими, как мы (не в осуд сказано) устрицами».¹

Нужно сказать, что приведенная здесь Шевченко практика народной медицины и профилактики против укуса тарантулов была популярна у степных кочевников.

К человеку, ужаленному тарантулом, пригоняли стадо овец Овцу, понюхавшую больного, резали и тушу целиком клали в казан. В полученный таким образом бульон (теплый) опускали больного, будучи уверены, что больной выздоровеет.

Таким, образом, из этого довольно беглого обзора видно, что казахстанские темы занимали в творчестве Т. Г. Шевченко значительное место. В каждой строке его произведений слышится голос народного поэта, поэта революционной демократии, видна его кровная связь с народом и искреннее сочувствие трудовому казахскому народу.

Подводя итоги нашему беглому обзору литературных произведений Шевченко, отражающих быт и условия жизни казахского народа, необходимо отметить, что Шевченко прежде всего интересовала политическая сторона вопроса, социально-экономическая действительность, перспективы исторической судьбы казахского народа. Этнография являлась только дополнением или иллюстративным материалом для выражения основной мысли поэта.

Этим Шевченко выгодно отличается от своих современников-этнографов и многих последующих буржуазных исследователей Казахстана.

¹ Тарас Шевченко. Собр. соч., «Близнецы», т. IV, стр. 114.

КАЗАХСКИЙ НАРОД В РИСУНКАХ Т. Г. ШЕВЧЕНКО¹

Рисунки Шевченко, отражающие казахскую действительность, пожалуй, для нас являются в историко-культурном отношении наиболее ценными.

Несмотря ни на какие запреты, преследования и отсутствие элементарных условий для работы художника, Шевченко в течение десятилетнего пребывания в Казахстане сделал, как свидетельствует Мариэтта Шагинян, бесчисленное множество рисунков и разработал многочисленные частные темы из жизни трудящихся казахов.

Однако эти рисунки, по словам Шевченко, в то время были весьма «не модным товаром» и в условиях тогдашнего дворянско-чиновничьего общества почти не приносили их автору материальной пользы. Не могло быть также и речи о популяризации рисунков Шевченко в народе. Но художник революционной демократии боролся против всех этих трудностей.

Некоторые свои рисунки Шевченко с риском для себя посылал своим друзьям. Поэтому часть его рисунков попала в Польшу и Литву. Полагаем, что не

¹ Эта глава написана совместно с Е. З. Литовченко.

лишним будет упомянуть здесь, об одном из первых выступлений в мировой печати на тему о казахском народе. В 1865 году в Париже был напечатан альбом, под названием: „La vie Siéppes Kirghizes. Descriptions, récits et contes. Texte et illustrations à l'eaufort par Bronislas Zalesky. Paris, 1865“. (Жизнь киргизских степей. Очерки, повести и рассказы. Текст и иллюстрации Бронислава Залесского. Париж, 1865).

Автор альбома — Б. Залесский, бывший студент Дерптского университета, в 1848 году по приговору военного суда был выслан в Оренбург в качестве солдата. Здесь он, как говорилось выше, сблизился с Шевченко, помогал ему обрабатывать материалы экспедиции на Аральском море. Из их дружеской переписки видно, что они и на Мангышлаке вместе участвовали в геологической разведке на Кара-Тау, Шевченко давал Залесскому профессиональные и жизненные советы. В 1856 году Залесский был освобожден, затем участвовал, как упоминалось выше, в организации польского восстания 1863 года. После поражения этого восстания ему удалось эмигрировать в Париж. Там в польском издательском обществе он и напечатал названный альбом. В 22 рисунках альбома преобладают пейзажи Казахстана, главным образом Мангышлака, окрестностей Новопетровского укрепления («Дерево поклонения киргиз», «Дман-тау», «Кара-тау», «Усть-Урт», «Бухта Новопетровская», «Утес монаха», «Сад Мангышлака», «Овраг в Мангышлаке», «Ханга-баба», «Долина», «Кладбище», «Чиз-Кала», «Гробница святого киргиза», «Меловые горы», «Иргиз», «Гора Актау»). Только некоторые картины («Кибитка», «Интерьер кибитки», «Женщина-киргизка») пытаются дать казахов лишь этнографически. объективистски, без проникновения в социальную сущность быта трудящихся казахов. Б. Залесский кое-как справился с передачей пейзажа, но в жанре сказалась его техническая слабость, этнографическая неточность. Справедливость требует отметить, что лучшие пейзажи альбома принадлежат кисти Шевченко, а Залесский их только слегка видоизменил. Таких ри-

сунков не меньше шести¹ («Бухта Новопетровская», «Утес монаха», «Сад в Мангышлаке», «Ханга-баба», «Гробница святого киргиза», «Дерево поклонения киргизов»). Разумеется, рисунки этого альбома не могут служить настоящим материалом для ознакомления с внутренней жизнью казахского народа. Подлинную картину жизни в казахских степях нарисовал Шевченко. Многообразны частные темы рисунков Шевченко из жизни казахов, но в них не нашли места ни ханы, ни султаны, ни бай, ни бии. Он изображал бедноту. В своих рисунках художник революционной демократии не стремится вызвать жалость и филантропическое сочувствие со стороны угнетателей; напротив, его рисунки своим внутренним содержанием вызывают гнев, социальный протест, чувство справедливой мести за нищенство, за социальное и национальное бесправие.

Шевченко, вступая в непримиримую борьбу с черносотенной идеологией, шовинистами, любителями экзотики, выявляет в своих рисунках огромную духовную силу казахского народа, его музыкальное, поэтическое богатство, любовь к красоте, традицию национальной культуры.

В период ссылки Шевченко много работает, обдумывает. За эти годы он значительно вырос как художник-реалист, как выразитель революционно-демократических идей в искусстве. В этом отношении чрезвычайно интересны его суждения в «Дневнике», где он записывает свои впечатления от чтения трехтомного труда польского философа-идеалиста Кароля Либельта «*Estetika czyli umniectwo pie kne*» («Эстетика, или наука о прекрасном»): «...вспомнил я про Либельта, принялся жевать: жестко, кисло, приторно, — настоящий немецкий суп-вассер. Как, например, человек, так важно трактующий о вдохновении, простосердечно верит, что будто бы Иосиф Вернет велел себя во

¹ Часть своих рисунков нозопетровского периода Шевченко отсылал в Польшу к Залесскому для продажи. Таким образом, в руках Залесского побывали и некоторые самостоятельные рисунки Шевченко.

время бури привязывать на марсах к мачте для получения вдохновения. Какое мужицкое понятие!.. Либельт, он только пишет по-польски, а чувствует (в чем я сомневаюсь) и думает по-немецки, или, по крайней мере, пропитан немецким идеализмом (бывшим, — не знаю, как теперь?). Он смахивает на нашего В. А. Жуковского в прозе. Он также верит в безжизненную прелесть немецкого тощего длинного идеала, как и покойный В. А. Жуковский» («Дневник», запись от 10 июля 1857 г.)¹

Здесь, как видно из приведенных цитат, Шевченко уже четко проявляет свои материалистические философские взгляды, высмеивая беспочвенный идеализм в искусстве.

В том же «Дневнике» Т. Г. Шевченко, критикуя романтико-идеалистическое понимание задачи искусства, самостоятельно приходит к тому же революционно-демократическому выводу, который сформулировал Н. Г. Чернышевский за четыре года до этого в своей знаменитой диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности». Шевченко пишет о Либельте: «...он, например, человека-творца в деле изящных искусств вообще, в том числе и в живописи, ставит выше природы, потому, дескать, что природа действует в указанных ей неизменных пределах, а человек-творец ничем не ограничен в своем создании. Так ли это? Мне кажется, что свободный художник настолько же ограничен окружающею его природой, насколько природа ограничена своими вечными, неизменными законами. А попробуй этот свободный творец на волос отступить от вечной красавицы-природы, он делается богоотступником, нравственным уродом... Я не говорю о дагерротипном подражании природе: тогда бы не было искусства, не было бы истинных художников, а были бы только портретисты, вроде Зарянка («Дневник», запись от 12 июля 1857 года).²

Характерно, что в рисунках Шевченко мы не ви-

¹ Т. Шевченко. Собр. соч., т. V, стр. 98.

² Там же, стр. 104.

дим ни одного образа праздного человека. Казах рисует он во время работы. При этом, чем напряженнее процесс труда, тем красивее человек. Этим и объясняется любовь гениального поэта и художника к трудящемуся человеку, к его труду. «Человек трудолюбивый, по-моему,—писал Шевченко,—самый счастливый человек на свете, особенно если труд его имеет такую возвышенную, такую благородную цель, как труд этого простого, этого безграмотного человека».

Он ищет самые тонкие, лирические формы живописи, превращая простые, казалось бы, бытовые этнографические зарисовки в произведения широкого общественно-политического смысла. Он находит красоту, поэтичность в народе, к которому официальные этнографы относились свысока.

Таким образом, не в императорской Академии художеств, не в роскошных кабинетах казенных профессоров и либеральных меценатов, а в жизни, на далеких окраинах, верными сынами народа решались вопросы теории и практики истинно народного искусства, народного реализма. При глубоком идейном содержании рисунки Шевченко решали важные художественные задачи (светотень, линия, композиция, лепка, пространство, воздух, точность — научное познание и образное отражение). Прежде всего, его рисунки, предельно просты, ясен их идейный замысел; они доходчивы, заставляют размышлять; затем, эти рисунки документальны в историческом, географическом, бытовом разрезе. И, наконец, Шевченко первым по времени из художников-реалистов изобразил казахский народ в своих пока еще не превзойденных¹ рисунках. Мы с полным основанием можем говорить, что Шевченко был одним из зачинателей изобразительного искусства в области казахской тематики.

Технические условия не позволяют нам воспроиз-

¹ Мы полагаем, что и самый плодовитый художник на казахские темы Хлудов при всех его возможностях не поднялся в своих картинах над уровнем простого этнографизма.

вести все наследие Шевченко на темы природы и жизни Казахстана, поэтому мы здесь помещаем только лишь самое необходимое для постановки настоящей темы.

Пастух

Так мы называем рисунок, который в издании «Малюнки Т. Шевченко», под ред. проф. В. В. Матэ, вып. II, 1914 г., лист XVII, обозначен: «Киргиз на коне среди песчаной пустыни». Сепия, 1850 г.

Перед нами типичный трудящийся казах, которого мы условно назвали пастухом. (Рис. 2.).

Пастух, усевшись поудобнее на лошади, принял позу отдыхающего. Рукоять камчи (короткая плеть!) он поставил под локоть правой руки, почему и кажется с первого взгляда, что кисть правой руки безжизненно повисла, как гипсовая, — на самом же деле это очень верное изображение покоящейся на весу руки. На макушке платок, предохраняющий бритую голову от солнцепека. Плечи пастуха облекает домодельный, вязанный из шерсти костюм. Верхняя длинная одежда (шалан) спущена с плеч и частью подложена под себя, частью покрывает ноги. Пастух смотрит издали на двух встретившихся в степи всадников. Под ним худая, усталая лошадь. В рисунках Шевченко весьма редки изображения лошадей.

На рассматриваемом рисунке Шевченко с чрезвычайной точностью, верностью, реализмом передана поза отдыхающей измученной лошади. На редкость удачны на рисунке голова и поставленная на ребро копыта задняя левая нога лошади. Бескрайняя, широкая степь. Ясный дневной свет. Зоркий глаз пастуха различает предметы на дальнем расстоянии невооруженным глазом. Фигуры, особенно лошади, удивительно скульптурны. В картине масса воздуха. Шевченко в Казахстане впервые полностью овладел мастерством писать на воздухе, переносить воздух в рисунок.

Камыши

В упомянутом издании Матэ, выпуск II, лист XIV, этот рисунок назван «Камыш на берегу моря». Акварель, 1846—49 гг.

Данный рисунок (*рис. 3*). является одной из многочисленных пейзажных акварелей, выполненных Т. Г. Шевченко во время экспедиции на Аральское море. Рисунок с большим мастерством и точностью в деталях изображает очертание берегов, расположение и характер растительности. На первом плане рисунка — низкорослые склоненные камыши, по сторонам — растительность кустарникового типа. Но в условиях полупустыни даже эта скудная растительность оживляет голые песчаные берега, как бы свидетельствуя о наличии жизни в «помертвелой пустыне».

Так в творчестве художника революционной демократии обыденный предмет пейзажа края становится художественным образом, средством выражения мысли.

Джангиз-агач

В издании Матэ, вып. II., 1914 г., лист XVII, сказано: «Джан-Гис-агач. Дерево среди степей местности горного перевала Джан-Гис-агач. Акварель, 1848 г.»

Этот рисунок (*рис. 4*), как и многие другие рисунки Шевченко периода ссылки, носит документальный характер. В мае месяце 1848 года по пути из Орска в Аральское море герой повести «Близнецы» Савватий Сокира, прототипом которого явился, несомненно, образ самого Шевченко, видел степной пожар, а через два дня встретил одинокое дерево в степи, которое местное население называло ауля-агач (святое дерево).

Эти картины произвели на Шевченко большое впечатление, которое нашло прямое отражение в стихотворении «Топор был за дверью у господ бога», а также в рисунках «Пожар в степи», «Джангиз-агач».

В указанной повести «Близнецы» сам Шевченко

дает такое описание дерева аулья-агач: «...башкирский тюре... сказал мне, указывая нагайкою на темную точку: — Мана аулья-агач (здесь святое дерево). — Это слово меня изумило. Как? В этой мертвой пустыне — дерево? И уж, конечно, коли оно существует, так должно быть святое. За толпою любопытных и я пустил своего Воронка. Действительно, верстах в двух от дороги, в ложбине, зеленело тополевое старое дерево... Я последний уехал от дерева и долго еще оглядывался, как бы не веря виденному мною чуду. Я оглянулся еще раз полюбоваться на обоготворенного зеленого великана пустыни. Подул легонький ветерок, и великан приветливо кивнул мне своей кудрявой головой, а я, в забытии, как бы живому существу проговорил: «прощай».

Кстати, нужно отметить, что в Новороссийском районе, Актюбинской области, до сих пор сохранилось одно старое дерево в степи, которое местное население называет шевченковским.

Величие одинокого дерева заключается, прежде всего, в том, что оно представляет резкий контраст с окружающей географической средой: далеко за горизонт уходит бескрайняя пустынная степь, где нет не только какой-либо растительности, но даже предмета, скольконбудь задерживающего внимание.

Далисмен-мола-аулие

В книжке Скворцова «Жизнь художника Тараса Шевченко», издательство АХР, 1929 г., этот рисунок так и назван. В парижском альбоме Б. Залесского он (почти точно воспроизведен и назван: „То.преаи d'us gaint Kir h ze' («Могила святого киргиза»).

Рисунок (рис. 5) относится к числу этнографических, и Шевченко в своем «Дневнике» от 15 июля 1857 года дает более подробное описание казахского погребального обряда.

В правом переднем углу рисунка, в просвете большого грота меловой горы показана могила, на которой

укреплен деревянный шест с украшением, а рядом с ним воткнуто копье. У головы погребенного (южная сторона могилы) поставлен каменный памятник (кулпы-гас). Ниже лежат черепа голов верблюда, рогатого скота и кости разных животных.

Наличие костей животных объясняется, повидимому, тем, что на могилу люди совершали паломничества, приезжали группами, семьями, ночевали на кладбище и на ужин или обед резали скот, а иногда у могилы совершали и жертвоприношения. Отсюда естественно, что возле могилы могла образоваться немалая куча костей животных.

В юрте

В издании Матэ, вып. II., XVIII, рисунок назван «Қалмык в юрте растирает пищу длинным пестом; за ним что-то помешивает в большой миске жена». Сепия, 1850 г. Полагаем, что этот рисунок (рис. 6) ничем не отличается от других изображений казахов и решаемся включить его в данную серию рисунков. Показана часть кибитки. На фоне подвешенного ковра с геометрическим орнаментом, освещенного полосой света, падающего через открытый верх юрты (тундык), помещены две фигуры. В центре, занимая пять седьмых высоты, на полу сидит обнаженный высокий, стройный, сильный мужчина. Бедрa его покрыты одеждой, на голых ногах красивые легкие сапоги, на голове меховая шапка (тумак).

В руках он держит весьма увесистый деревянный пест, которым толчет, видимо, табак для насыбая в стоящей меж его ног на полу грубой деревянной чашке. Красиво его сильное, упругое тело. Широка и сильно развита грудь, подобран живот. Борода маленькая, редкая, небольшие усы. Черты лица мягкие. Нос небольшой, ровный, красивый... Руки застыли после движения и готовы снова работать пестом. В этом трудовом напряжении так много грации, пластичности, что невольно напрашивается рассуждение о новой эс-

тетике, о новых задачах искусства революционной демократии, да и вообще об искусстве передачи красоты труда.

На втором плане справа — молодая красивая женщина, опустившись на одно колено, помешивает поджариваемое в плоском котле просо. Изображение молодой хозяйки юрты отличается исключительным мастерством и точностью: на голове у нее сшитый из легкой белой материи нижний головной убор (кимешек), а сверху голова обвита большим платком (жаулык); тело ее облегает длинный легкий кафтан (шапан); точно воспроизведено ее рабочее положение. Прекрасны, сильны, молоды эти люди в юрте.

Форт Кара-Бутак

В издании Матэ, вып. I, 1911 г., лист XIII, рисунок называется «Форт Кара-Бутак между р. Орью и Иргизом». Акварель, 1848 г. Этот рисунок (рис. 7) носит документальный характер. Крепость Кара-бутак была основана в 1847 году. Теперь этот поселок называется Старый Кара-бутак; расположен он недалеко от теперешнего районного центра Карабутацкого района, Актюбинской области.

На высоком обрывистом берегу на холме высится крепость с зубчатой угловой башней на самом высоком месте над обрывом. Линии крепостных стен, труб на крышах, сигнальных шестов, огромного высокого креста в центре крепости резко контрастируют с мягкими очертаниями степных холмов, берегов в излучинах реки, прибрежного леса. Поодаль от крепости стоят одинокие юрты.

Как известно, сороковые годы были годами успешного строительства так называемой второй линии военных укреплений. Как раз в этот период Шевченко часто рисует такие укрепления; таковы, например, его рисунки «Орская крепость», «Иргиз-кала», «Форт Новопетровск», «Укрепление Раима» и др. Что несли эти военные укрепления степному народу? Наряду с объ-

ективно прогрессивной ролью присоединения Казахстана к России они способствовали, как рассчитывала колониальная политика самодержавия, «умиротворению», для которого в этих укреплениях были гарнизоны и пушки. Чего стоили эти военные укрепления трудящимся кочевым казахам? Трудящиеся казахи были отданы на поток и разграбление чиновникам, султанам, купцам и кулакам. Эти паразиты соревновались между собой в искусстве выколачивания податей, подарков и множества других форм наживы. И на страже этого «просвещения» стояли крепости. Шло хищническое ограбление степи. Шевченко весьма удачно расположил на рисунке одну юрту на уходящей линии горизонта, а другую — вблизи дороги в крепость; вокруг нее темные беспокойные пятна обрывов, рытвин; все сместилось, нарушилось обычное течение жизни.

Но жизнь остановить нельзя.

Борьба трудящихся казахов против своих угнетателей теперь включилась в общий поток русского освободительного движения: петрашевцы, Герцен, Огарев, Чернышевский в свои планы развития освободительного движения включили и казахский народ. Пример пламенного борца против ханов и султанов, акыча восставших казахов Махамбета Утемисова, пожелавшего учить своего сына в русской школе, в этом отношении как нельзя более показателен: передовые казахи стремятся сблизиться с передовой русской культурой. По почтовым трактам в степь проникла не только монархическая «благонамеренная» периодика, вроде «Русского инвалида», но и самый передовой журнал «Современник». Через ссыльных, подобных Шевченко, Сераковскому и многим другим, через посредство лучших передовых акызов в степь проливались лучи нового света; возникала в противовес старой ханской культуре новая демократическая казахская культура. Ее ростки вносил в жизнь степей и Шевченко, недаром образ его сохранили казахские народные легенды. Вот какой комплекс мыслей возникает у нас при взгляде на эту крепость. Вот почему Шевченко не раз возвращается к показу степных крепостей, изображая их тонко, правдиво на фоне мирной природы.

Над ступой

В книге А. Скворцова этот рисунок назван «Киргизка, сбивающая кумыс», а в книге С. Е. Раевского «Жизнь и творчество художника Тараса Шевченко, 1939 г., иллюстрация № 58, она названа «Киргизка над ступой».

Полагаем, что Раевский прав. В центре картины (рис. 8) стоит утомленная тяжелым трудом молодая беременная женщина-казашка; она склонила голову на руки, держащие увесистый деревянный пест, опущенный в ступу. У ступы справа мешок с зерном и деревянная чашка, у ног женщины слева опрокинутый медный кувшин. Она занята примитивной ручной просообдиркой. Насколько трудоемка эта работа, можно судить по тому, что на обработку одной засыпки требуется до тысячи ударов пестом. На заднем плане видна юрта с открытым верхом; у входа в юрту на фоне резкого светового пятна сидит обнаженный до пояса молодой мужчина и смотрит на женщину. Левый угол рисунка занят группой: на вбитом в землю сучковатом колышке, прикованный на длинной тонкой цепи, сидит беркут. Снизу его дразнит, подпрыгивая и заливаясь лаем, собачка. Ужасно чувствует себя царь воздуха, крылья его подняты, клюв раскрыт в бессильной злобе, а на ногах цепь. Далеко уходит темной линией горизонт. Не порвать цепь, не уйти на волю беркуту. Безгранична смутная тоска женщины о другой жизни, взлелеянной в неясных мечтах. В центре рисунка — женщина и ее труд. Чем более отстали формы общественной жизни, тем более тяжело положение «безмольной рабыни» — женщины.

У очага

Воспроизведена в «Кобзаре», изданном редакцией журнала «Пробуждение», на стр. 132, под названием «Калмыки». В книге Владимирского и Савинова «Шевченко — художник», 1939 г., стр. 66, она названа «Киргизы у огня».

Эта маленькая сепия стоит многих картин. Прием светотени (свет из одного источника) использован здесь для передачи объемности, пластики движений, живой передачи настроений. Знатоки степного быта уверяют, что рисунок с большой силой реализма изображает момент, когда двое мужчин греют у пылающего очага свои тела, что при взгляде на картину живо вспоминается быт табунщиков. Они всю зиму живут на отгонном пастбище, вдали от аула, где нет ни бани, ни даже смены белья. Они всегда верхом на коне, неотлучно с табуном, охраняя последний от конокрадов, от волков и других бедствий. Для них имеется маленькая войлочная юрта (кос), где они готовят себе пищу и спят по очереди. Посередине юрты устроен очаг, над ним небольшой походный котел, принесена степная полынь, разведен костер, и табунщики наслаждаются теплом.

Нищенствующие дети

В книге А. Скворцова, стр. 60—61, рисунок назван «Автопортрет с детьми киргизами»; в альбоме Калаушина «Т. Шевченко в портретах и иллюстрациях» (Л., 1940) — «Киргизские дети-нищие».

В просвете открытой двери стоят дети-казахи, просящие милостыню (рис. 9). Казахских семейств, доведенных до нищеты, были десятки тысяч; но на картинах Шевченко взрослые нищие-казахи не встречаются. Дело в том, во-первых, что Шевченко всю жизнь волновала и нашла отражение в его стихах и картинах судьба сироты-подростка, нищенствующего или батрачащего:

Мне кажется, что это — я.
Что это — молодость моя.

Еще будучи студентом Академии художеств, он получил свою первую медаль за картину «Мальчик-нищий под забором делится хлебом с голодной собакой». Не раз он писал детей на Украине. Здесь же, в

Казахстане, он с первого года ссылки вводит в свои рисунки детей-казахов. Нам известны такие его изображения детей-казахов, как «Байгуши», «Автопортрет с нищенствующим», «Автопортрет с мальчиком-казахом, играющим с кошкой», «Мальчик, топящий печь камышом», «Мальчик-казах, дремлющий у печки», «Дети-казахи, просящие милостыню в солдатской казарме».

Полагаем, что этих изображений было гораздо больше; об этом говорит и переписка, и записки в «Дневнике», и серийный, так сказать, характер рисунков; художник поставил себе целью глубоко вскрыть одно из тяжких социальных зол — калечение человека с детских лет.

Во-вторых, эти картины являются документальными: известно, что с 1817 года генерал Эссен запретил попрошайничество взрослым казахам в пограничных селениях — разрешалось просить милостыню только детям до десятилетнего возраста.

На голове старшего мальчика — войлочная казахская шляпа. Он обнажен до пояса. Руки просяще протянуты вперед, голова склонена набок, рот раскрыт. Через плечо повешена сумка с собранным подаянием (просо). Младший держит перед собой чашку — он просит молока. На голове его — казахский зимний головной убор (тумак) мехом внутрь. На нем старая рубаха взрослого человека, сползшая с правого плеча и спускающаяся почти до земли. Дети красивые, большеглазые, большелобые. Обращает на себя внимание преждевременная серьезность старшего: тяжелый жизненный опыт привел его к ранней зрелости. Босыми ногами дети стоят на каменных плитах порога.

Сзади детей помещен автопортрет Шевченко. Он в солдатском мундире с пуговицами, картуз его повешен на открытую дверь, а сам он будто стоит в проеме открытой двери. Лысеющая голова отклонена вправо. Во взоре гнев и тоска поэта-художника, разделяющего печальную участь детей.

Такие же двое нищих детей изображены и на другом рисунке Шевченко «Байгуши» (или «Государственный кулак»), где старший мальчик сидит под ок-

ном, протягивая ручки. Младший, держа за спиной свою чашку, смотрит в окно. В окно направлен также взгляд собачки, сидящей около нищих. Из открытого окна на детей направлена огромная рука с засученным рукавом, сжатая в кулак.

Этот рисунок носит наиболее обличительный характер: грубый кулак из окна является как бы символом николаевского режима, обрекшего на страдания не только взрослых, но и детей из народа.

Акын

В издании Матэ, вып. 1, 1911 г., лист X, этот рисунок описан так: «Молодой киргиз в кибигке играет на домбре; у открытой двери сидит его жена и мелет зерно, возле нее теленок, далее на пороге — корова». Сепия, 1848—49 гг.; в альбоме М. Калаушина — «Киргизская семья», рисунок Т. Г. Шевченко. 1853—1857».

На стене юрты (*рис. 10*) висит ружье, колчан для стрел, кривая сабля, лук, обшитый мешок для посуды. На полу лежит богатое адаевское седло, обшитое кожей. В полутени на ковре геометрического орнамента, опираясь левой рукой на седло, полулежа, сидит обнаженный до пояса казах с домброй на коленях. Правая рука его покоится на струнах, левая прижимает первый лад на грифе. Он задумался, подбирая текст импровизации. У открытой двери на полу сидит молодая, прекрасно сложенная казашка. Формы ее обнаженного до бедер тела необычайно пластичны. Голова ее окутана белым шарфом, на руке богатый браслет. Она заслушалась пения мужа. ждет нового куплета. Семья, видимо, небогатая, — теленок лежит на ковре у ног мужчины.

29 декабря 1849 года Шевченко писал своему знакомому: «...шлю вам киргизского баксу или по-нашему, кобзаря. Если найдется добрая душа, пусть купит».¹

¹ Т. Шевченко. Листування, стр. 41. (Оригинал на украинском языке. — Т. Б.)

Слово «баксы» в казахском языке означает—шаман, знахарь. Но у многих тюркских народов Средней Азии (узбеков, туркмен) слово «бахшы» употребляется чаще всего в значении народного певца, сказителя, что безусловно соответствует по смыслу украинскому слову «кобзарь».¹

В другом письме Шевченко пишет: «Така, мабуть, уже усим кобзарям погана доля». Шевченко в этих словах мог говорить о своей печальной судьбе, о судьбе акынов — певцов народно-освободительных движений в казахской степи.

В связи с этим считаем необходимым упомянуть еще об одном рисунке Шевченко, тематически связанном с «Акыном».

В 1859 году в альбоме Ольги Сократовны Чернышевой Шевченко сделал на память пять рисунков. Из них печатался только один, изображающий маленького сына Чернышевского сидящим на косматой извозчицкой лошаденке. Другие рисунки не печатались. Среди них один относится к циклу рисунков о казахском народе. Он сделан, видимо, без всякой натуры, по памяти. На рисунке даны три бюста, поставленные в ряд. Позади них видны две головы в шлемо-видных тибетейках и третья голова старика с лицом в профиль, с большим горбатым носом, нависшими бровями, большими торчащими усами и клиновидной бородой. Чуть поодаль от них стоит оседланная лошадь. Центральная из трех передних фигур представляет собой тип, приближающийся к татарско-казахскому. Необычайно выразительно лицо центральной фигуры: взлегающие изломанные брови, небольшой правильный мягко очерченный нос, сильные губы, под глазами мешки усталости; подстриженные усы и борода, не густо заросшая; черные жесткие, может быть, уже седеющие волосы на голове прикрыты темного

¹ О значении слова «бахши» см. Самойлович «Очерки по истории туркменской литературы» Сб. «Туркмения», т. I, Лгр., 1929 г., стр. 131; В. Радлов «Опыт словаря тюркских наречий», т. IV, стр. 1445; Ч. Ч. Валиханов, «Следы шаманства у киргизов». Соч., СПб, 1904 г.

цвета тюбетейкой. Глубокие складки на щеках говорят о зрелом возрасте и тяжелых заботах. Плечи его плотно облегают полукафтан со стоячим воротником и густо идущими по борту пуговицами. На рубашке также пуговицы. На правой щеке, кажется, шрам. Поворот головы сильный, взгляд энергичный, сосредоточенный. К его правому плечу будто прильнул мужчина туркменского типа: большой горбатый нос, вытянутое лицо, подстриженная клином борода, на голове тюрбан, на плечах просторный халат. Его взгляд устремлен на стоящего в центре с нежной тревогой. Из-за левого плеча стоящего в центре грустно глядит молодая казахского типа женщина. Непокрытые волосы ее расчесаны на пробор, на плечо упали две косички. Глаза полуприкрыты, губы сжаты, — она, видимо, с трудом сдерживает себя. Взгляд старика позади женщины устремлен в сторону, в степь. Туда же направлен и взгляд стоящей во втором ряду фигуры в шлеме, который обычно носили бойцы-батыры.

Песня молодого казаха

В книге Раевского, 1939 г., картина названа «Песня молодого киргиза». Дверная кошма кибигки поднята, внутрь льется яркий дневной свет. В просвете дверного отверстия стоит совершенно непринужденно голый пухленький мальчик. На полу стоит дорожная сумка, в ней кожаный мешок с кумысом. Такой мешок обычно берет с собой в степь пастух. Оголснный до пояса, залитый падающим светом молодой казах-акын сидит с домброй на коленях. Кумыс выпит. Песня льется неудержимо. Певец — весь порыв, увлечение, страсть. Молодая женщина заслушалась, наклонила голову. Лица ее не видно. Вся она закутана в красный цветастый шелковый плавок, видна лишь кисть правой руки, которой она опирается о землю. Кажется, что здесь нет никакого замысла. На самом же деле содержание картины значительно: неистребимый родной оптимизм, бессмертна творческая сила трудящихся. Жить во что бы то ни стало!

Так будем же пить мы, и будем мы есть.
Давайте же сядем на резвых коней,
Давайте скакать и играть веселей!

М а х а м б е т.

Пусть жизнь бьет ключом, только тогда она прекрасна, — говорит эстетика революционных демократов. Песня учила любить родину, ненавидеть врагов трудящихся. Песня звала на бой. Песня свято хранила великие традиции освободительной борьбы народа против всех и всяческих угнетателей. Пышно цветет искусство социалистического Казахстана, а фундамент его закладывался уже в те трудные времена. И заслуга Т. Г. Шевченко в том, что он любовно и внимательно изучал и с огромной художественной силой отражал в своих произведениях главные моменты жизни, борьбы и творчества трудящихся казахов.

* * *

Царское правительство в течение веков проводило политику разобщения народов России, сознательно разжигало межнациональную вражду, воспитывало в людях недоверие друг к другу. Цари и помещики, капиталисты и жандармы превратили нашу прекрасную Родину «в тюрьму народов». Однако передовые люди России нескольких поколений, возглавляя борьбу против царей и помещиков, проповедовали идеи интернационального братства и сотрудничества народов, они пытались приобщить к передовой русской культуре и угнетенный тогда казахский народ. Одним из пионеров этого благородного дела был и великий украинский поэт Тарас Григорьевич Шевченко.

Казахский народ высоко чтит память великого поэта, протянувшего ему руку братства в черные годы николаевской реакции.

До последнего времени сохранилось в среде местного населения Актюбинской области предание о шевченковском дереве, предание о самом Тарасе, добром русском человеке, который заступался за народ, за

что царь отдал его в солдаты. И вот Тарас, бывало, долго сидит среди казахов; к нему, не боясь, подходят даже дети, а он, приголубив их, глядя по головке, говорит им по-своему что-то ласковое.

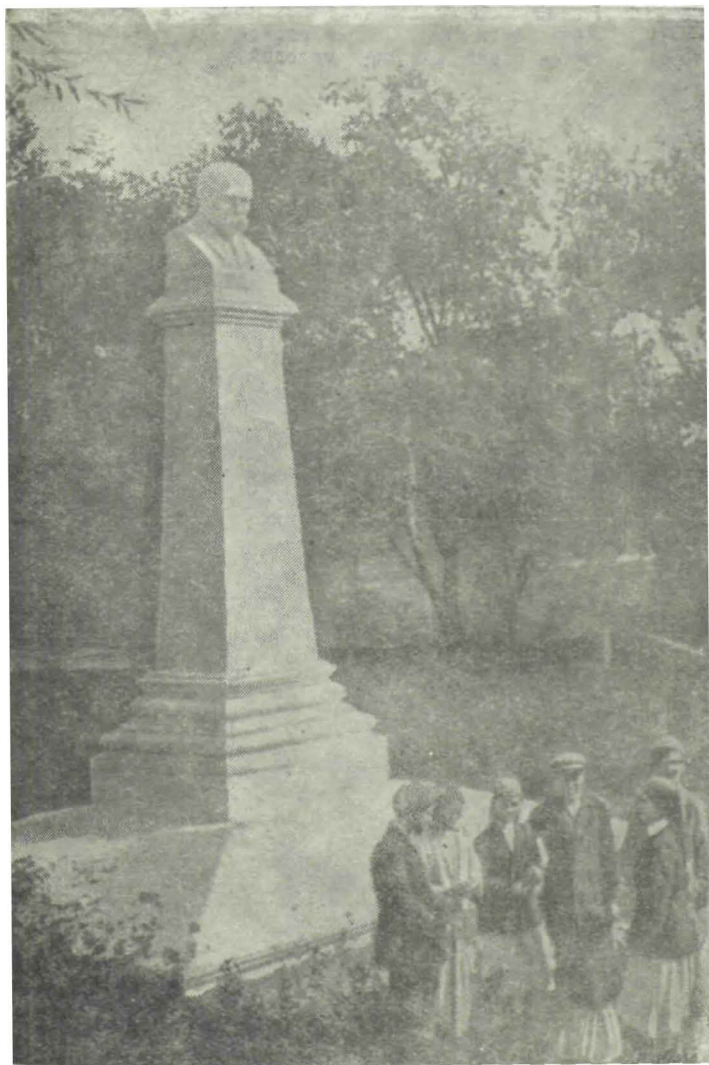
Однако до Великой Октябрьской социалистической революции Шевченко оставался недоступным, неизвестным широкому кругу казахского народа. Подлинная популяризация Шевченко началась в годы советской власти; бывшее Новопетровское укрепление, потом, с 1857 года, форт Александровский, где Шевченко провел в солдатчине 7 лет, было переименовано в форт Шевченко.

Казахский народ присвоил имя Шевченко лучшим улицам своих городов, его именем называются колхозы, учебные заведения. Бережно охраняются в форте Шевченко памятные места, связанные с именем поэта, государственный сад-музей Шевченко; основу этого сада заложил сам поэт. Сохранилась в саду изба, где коротал свое одиночество великий поэт; там же стоит его стол и скамейка из камней, по преданию старожилков, обтесанных самим Шевченко. Шевченковский сад теперь разросся. Из дальних колхозов приезжают люди за саженцами из него. Так в наши дни осуществляются мечты поэта об озеленении прежде пустынного края. Казахские ученые пишут научные труды, диссертации о Шевченко, в Казахстане на казахском языке издаются произведения Шевченко, о нем пишут стихи, о нем поют народные акыны.

Наш краткий обзор мы закончим словами великого казахского народного певца Джамбула (1846 — 1945), который уже в сталинскую эпоху, переключаясь с «великим Тарасом», пел:

Жажду ты в пламенном сердце носил,
Песней царей и господ ты косил.

Все, что лелеял ты, все что искал, —
Я на любимой земле увидел:
Солнце в лазури, счастливый народ,
Землю, что стала, как пышный елот,
В розах, в цветах и дыханье степей,
В свежести наших озер и морей.

Сердце мое молодое стучит
Слышишь, Тарас, твоя песня звучит!
Подняли песню два вечных титана —
На Украине, в степях Казахстала, —
Ленин велишь, и Сталин родной,
Песня парит, как орел молодой .

Иллюстрации
Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Рис. 1. Т. Г. Шевченко Автопортрет.

Рис. 2. Пастух. Селня, 1850 г.

Рис. 3. Камыша. Акварель, 1848 — 1849 г.

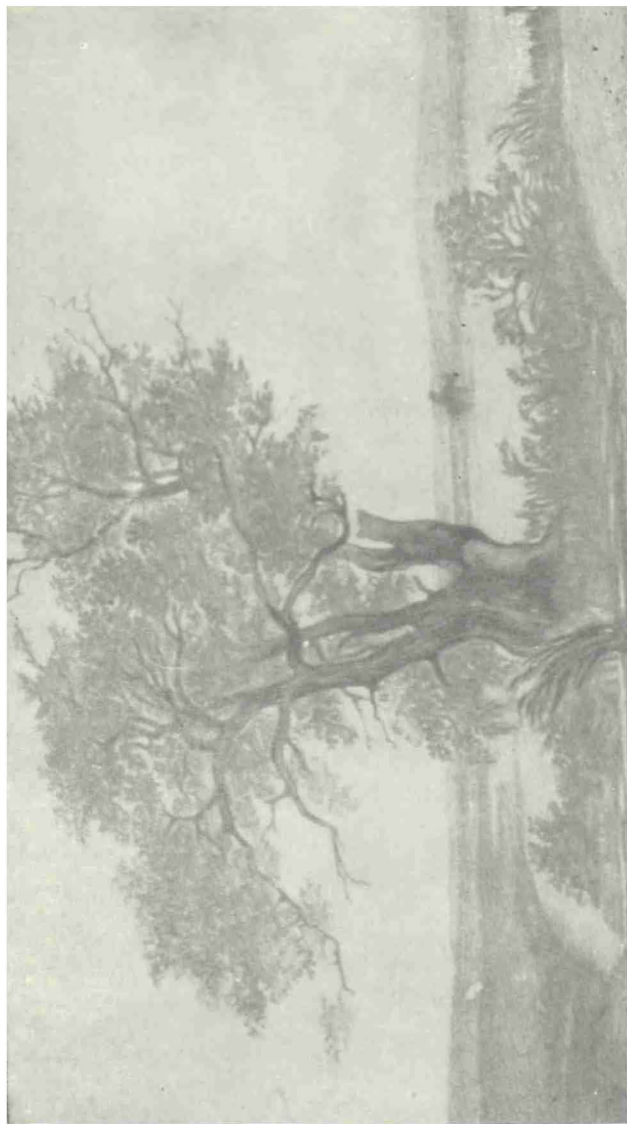

Рис. 4. Джангиз-агач. Акварель, 1848 г.

Рис. 5. Далисмен мола аулы.

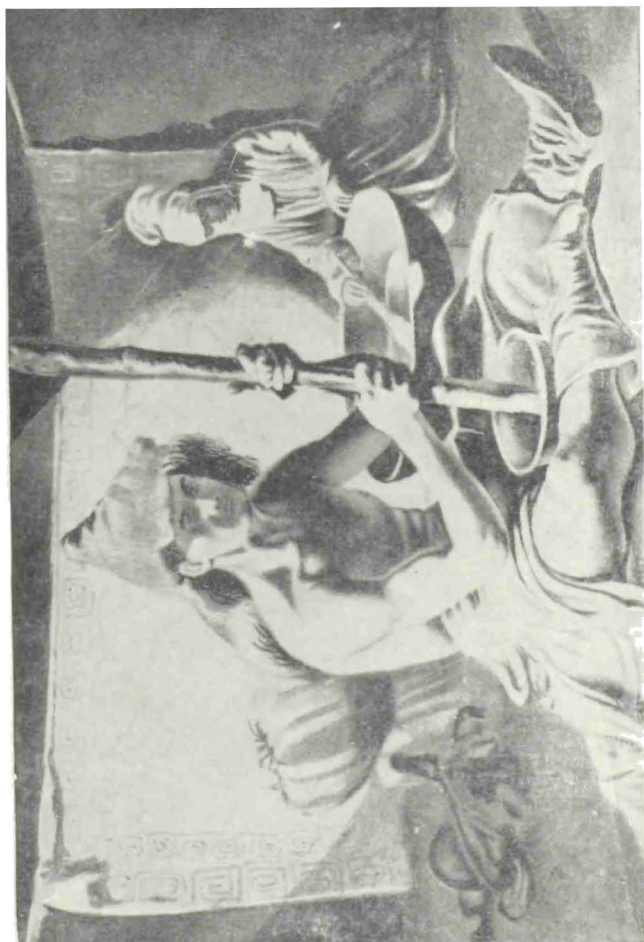

Рис. 6. В юрте.

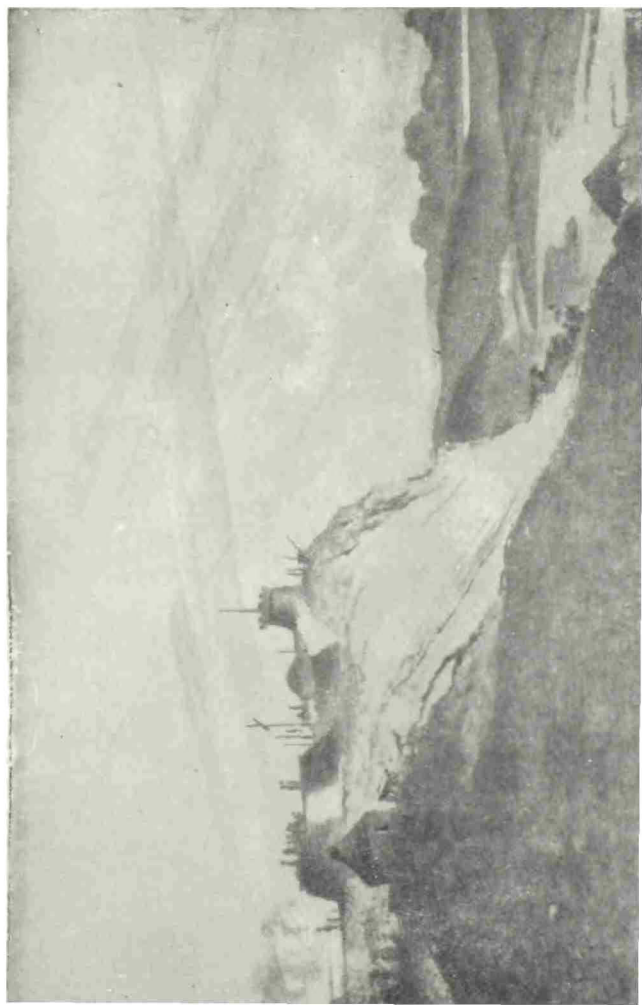

Рис. 7. Форт Кара-бутақ. Акварель, 1848 г.

Рис. 8. Над ступой. Сепия.

Рис 9. Нищенствующие дети. Сепия.

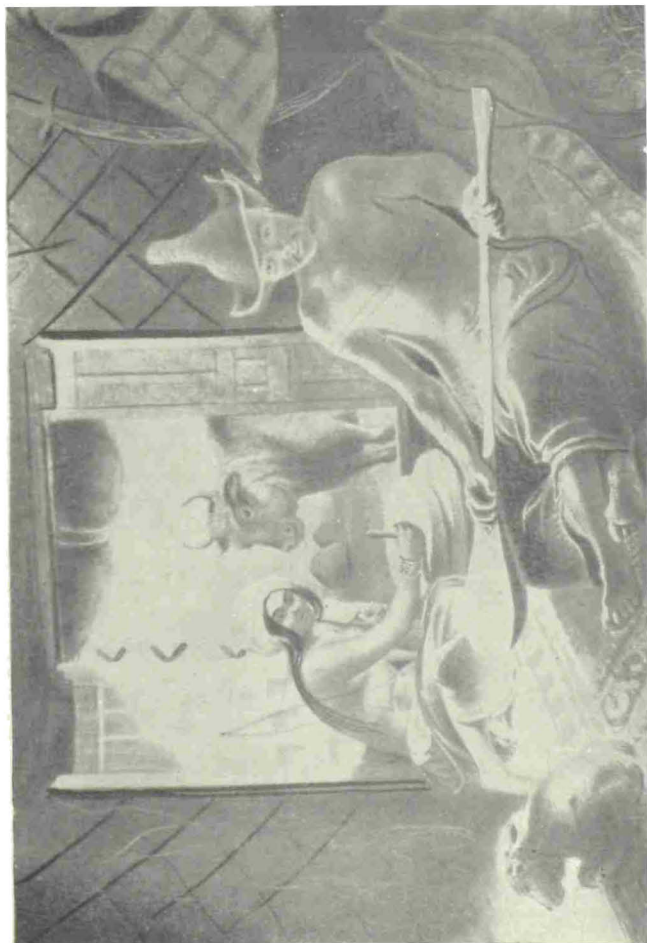

Рис. 10. Акын. Сепня, 1849 г

СО Д Е Р Ж А Н И Е

- Т. Г. Шевченко в Казахстане
Казахстан в литературных произведениях
Т. Г. Шевченко
Казахский народ в рисунках Т. Г. Шевченко

Редактор *К. Мелешко*
Художник *Н. Ходжикова*
Техредактор *Е. Крушова*
Корректор *М. Кац*

Сложено в набор 12/III-52 Подписано к печати 16 IX-1952 г. УГО7-419.
Изд. №1. Бум. 84×108^{1/2} = 1,50 б. л. — 4,92 п. л.
(Уч. изв. 4,50 л.). Тираж 15000 экз.
Цена 2 руб. 10 коп.

г. Алма-Ата, Гостипография 1 Казподграфиздата
при Совете Министров КазССР.
Завяз. 255.

